

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

HELGA
DURAN

ТАРСКИЙ

Helga Duran

Тарский горячий твой

«Автор»

2026

Helga Duran

Тарский горячий твой / Helga Duran — «Автор», 2026

Юля гадала на картах.Карты соврали один раз и сразу на полмиллиона долларов.Теперь за ней охотится бандит, а единственное укрытие – работа горничной у мрачного директора асфальтного завода.Иван Марков: не любит людей, не любит шум, не любит вечеринки, живёт с медведем и вообще не планировал влюбляться зимой.

© Helga Duran, 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Юля	5
2. Юля	7
3. Юля	10
4. Юля	12
5. Иван	15
6. Юля	18
7. Юля	21
8. Иван	24
9. Юля	26
10. Иван	29
11. Иван	31
12. Юля	33
13. Юля	36
14. Иван	39
15. Иван	41
16. Юля	44
17. Иван	47
18. Юля	50
19. Юля	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Тарский горячий твой

1. Юля

Он уже был в моей квартире.

Я поняла это ещё до того, как открыла глаза. Интуитивно, кожей, по звенящему воздуху в моей съёмной халупе. По ощущению, будто кто-то стоит рядом и пристально смотрит.

Я лежала на диване, укрывшись пледом, прямо в одежде. Так и уснула: с телефоном в руке, с включённым светом на кухне, с колодой таро на столе, разложенной и забытой.

Голоса я услышала сразу. Низкие, мужские, приглушённые.

– Она здесь?

– А где ей ещё быть?

Сердце ухнуло вниз так резко, будто оборвалась верёвка. Я села и замерла, боясь даже вдохнуть.

Секунда. Две.

В прихожей кто-то прошёлся. Медленно. Без суеты. Так ходят люди, которые знают, что им ничего не будет, которые не сомневаются, не торопятся, потому что даже время работает на них.

Я встала. Плед соскользнул на пол. Ноги были ледяные, будто я босиком стояла в сугробе, хотя в квартире было тепло. Колени дрожали, поэтому я с трудом сделала шаг.

И в этот момент дверь в комнату открылась.

Он вошёл первым.

Кулясов.

В жизни он оказался хуже, чем в моих самых мрачных фантазиях. Не громкий, не грубый, не демонстративно опасный. Нет. Он был спокойным. Собранным. В дорогом пальто, с аккуратной щетиной и взглядом человека, который привык, что мир вертится вокруг него.

За ним – двое. Плотные, одинаковые, как будто их отпечатали на ксероксе. Они остались у двери, не заходя полностью, но их присутствие ощущалось, как давление, как прижатый к горлу нож.

– Добрый вечер, Юленька, – сказал Кулясов мягко. Слишком мягко. – Или у тебя только утро? Любишь поспать, да?

– Вы... как вы вошли? – выдавила я, тяжело сглотнув.

– У тебя замок старый. И привычка оставлять свет, – он оглядел комнату, оценивая интерьер. – Ёб твою мать, ну и жопа. А в интернете ты выглядишь вполне себе успешной дамочкой. Мальдивы, Дубай, лакшери чил.

В интернете все блогеры выглядят богачами, а на деле все такие же нищebroды как и я – тоже мне открытие.

Я инстинктивно отступила на шаг, и Кулясов это заметил, улыбнулся краем губ.

– Не бойся, – сказал он почти ласково. – Мы ненадолго. Я не люблю тратить время без пользы. Просто хотел напомнить, что одна неделя прошла. Осталась ещё одна.

Меня накрыло волной паники. Не истеричной, а ледяной, от которой немеют пальцы.

– Я ни в чём не виновата, – голос сорвался, стал тонким, жалким. – Я сказала вашей жене не вкладывать деньги.

– Да ты что? — он чуть приподнял бровь. – А она взяла и вложила?

Он прошёл дальше и сел в кресло. Моё кресло. Откинулся, положил руки на подлокотники, будто дома.

– Знаешь, в чём проблема, Юля? – спросил он спокойно. – Мне неважно, кто виноват. Мне важно, кто закроет вопрос.

– У меня нет таких денег...

– Я знаю, – кивнул он. – Ты мне уже это говорила.

Он посмотрел на меня внимательно, оценивающе.

– Но ты живая, молодая и красивая тёлка, – продолжил он без эмоций. – А это уже актив.

Актив.

Я вдруг отчётливо поняла, что он имеет в виду. На панель меня хочет отправить? В секс-рабство?

Господи...

Да мне за три жизни столько не заработать своей звездой. Я не настолько красивая.

– Что вы хотите? – спросила я, заранее зная ответ на свой вопрос.

– Пятьсот тысяч долларов, – ответил он так же спокойно, как если бы говорил о погоде.

– У тебя в запасе целая неделя.

– Это невозможно...

Бандит наклонился вперёд и в этот момент маска сползла. Взгляд стал жёстким, тяжёлым, подавляющим.

– Слушай сюда, пизда тупая, – сказал он тихо, зловеще. – Ты, наверное, не догоняешь? Я не торгуюсь. И я не люблю, когда меня наёбывают. – Он встал. Подошёл почти вплотную. Я почувствовала запах его парфюма: холодный, дорогой, чужой. Он давил, как бетонная плита. – Ты вернёшь мне деньги, – продолжил он, глядя прямо в глаза, – или я начну искать другие способы компенсации.

У меня потемнело в глазах.

– Какие?.. – прошептала я.

– Это зависит от твоего поведения. – Он развернулся, пошёл к выходу, но у двери остановился. – У тебя семь суток, Юленька, – ещё раз напомнил он. – Не делай глупостей и не пытайся сбежать. Я тебя найду в любом случае. Но мне не хочется портить себе предновогоднее настроение. Карты свои спроси, где денег взять.

Он заржал. Громко. Мерзко.

Его головорезы поддержали. Смех прокатился по квартире так, что стёкла задрожали.

Дверь захлопнулась. Звук был такой же резкий и окончательный, как щелчок затвора, словно меня заперли в камере.

Сначала ничего. Просто пустота. Тишина, которая звенит в ушах после этого их мерзкого, бандитского хохота.

Потом ноги сами подкосились. Я опустилась на пол, на колени, будто перед иконой, но икон не было, был только паркет.

Дыхание спёрлось где-то в горле, комком, который нельзя ни проглотить, ни выдохнуть. Тело тряслось мелкой, неконтролируемой дрожью. От страха. От бессилия.

Я плакала не красиво, не тихо. Я задыхалась, скулила, как загнанное животное, прижавшись лбом к полу. Слёзы смешивались с пылью на паркете, оставляя тёмные пятна. Я плакала за эту квартиру, которая вдруг стала клеткой, за своё будущее, которое сократилось до этих семи дней, за своё красивое, молодое тело, на которое Кулясов смотрел как на вещь, на компенсацию.

Я собиралась встретить Новый год в Таиланде, а придётся в борделе, куда меня продаст Кулясов.

Господи, я клянусь, что больше к картам не прикаснусь, только помоги мне что-нибудь придумать, чтобы спасти свою задницу и всё остальное.

2. Юля

Я вспоминала тот сеанс снова и снова.

Не обрывками – целиком, до мелочей. Это была обычная работа.

Декабрь только начинался, сырой, серый, с мокрым снегом, который тут же превращался в грязь. Я сидела за столом, зажгла свечу. Не для антуража, а потому что так лучше концентрироваться. Карты лежали передо мной ровной стопкой. Колода была спокойная. Ничего не предвещало беды.

Ирина вошла уверенно. Слишком уверенно для человека, который пришёл «спросить судьбу». Она не суетилась, не озиралась, не сомневалась. Такие приходят не за советом. Такие приходят за разрешением.

Женщина была слишком ухоженной, чтобы быть просто красивой.

Такая красота не от природы, она вылеплена временем, деньгами и уверенностью, что мир обязан подстраиваться под неё. Она входила в помещение не спеша, будто давала пространству привыкнуть к ней.

Высокая. Стройная. С той тонкой, дорогой худобой, которую не спутаешь с усталостью или диетами. Это было тело женщины, которая никогда не тащит пакеты сама и не стоит в очередях. Плечи расправлены, осанка, идеальная не потому что следит за ней, а потому что привыкла быть сверху.

– У меня вопрос по сделке, – сказала она, садясь за стол. – Крупной.

– На что именно хотите посмотреть? – спросила я.

– На результат.

Я попросила её назвать имена. Она назвала своё, мужа, каких-то посредников.

Передо мной был идеальный, хрустально чистый расклад. Такое нечасто выпадает.

Первая – **Туз Пентаклей**. Деньги. Возможность. Реальный, материальный шанс.

Вторая – **Король Пентаклей**. Влияние. Власть. Мужчина, который умеет зарабатывать и контролировать процессы.

Третья – **Тройка Пентаклей**. Совместный проект. Слаженная работа. Рост.

Я помню, как на секунду замерла. Такие расклады не выпадают случайно. Это не «может быть». Это «да».

– Сделка прибыльная, – сказала я тогда. Уверенно, чётко. – Деньги будут. Причём не разово, а с перспективой.

Ирина чуть наклонила голову. Не удивилась. Не обрадовалась. Она ждала именно этого.

– Риски есть? – спросила она.

Я сделала дополнительный расклад. Уже на уточнение.

Карты снова были спокойны.

– Минимальные, – сказала я. – Если действовать честно и не пытаться ускорить процесс. Она улыбнулась. Тонко. Едва заметно.

– Понятно, – сказала она. – Значит, можно.

Я тогда почувствовала лёгкий укол тревоги. Не от карт, а от неё. От того, как она сказала «можно». Будто решение уже принято, а я просто поставила подпись.

– Карты показывают путь, – уточнила я. – Но важно, **кто**по нему идёт.

– Это уже не ваша забота, – сказала Ирина.

Её интересовал только результат.

Я взяла оплату. Она ушла.

А дальше началось какая-то фигня. Через несколько дней мне позвонила разъярённая Ирина с претензиями, что я её обманула.

Женщина была пьяна, судя по голосу, поэтому я не придавала значения её сумбурным обвинениям.

А потом мне позвонил её муж Фёдор, и я поняла, что дело плохо. Но тогда ещё не понимала насколько.

Ошибка была не в картах. Ошибка была в Ирине.

Эта глупая курица сама что-то там начудила, а платить за это теперь должна была я.

Потому что в мире Кулясова виноват не тот, кто сделал ошибку, а тот, на кого удобно указать.

Если бы я тогда знала, **чь**яона жена... Если бы отказалась... Если бы сказала «нет»...

Но прошлое не переписывают.

Я сидела на полу, прижав колени к груди, и судорожно перебирала в голове варианты, куда бежать.

Физически, по-настоящему, так, чтобы перестать быть доступной. Чтобы дверь больше не открывалась сама собой. Чтобы воздух не звенел от чужого присутствия.

Вариант первый – друзья. Смешно. Кулясов узнает быстрее, чем я сниму обувь в прихожей.

Вариант второй – другой район. Ещё смешнее.

Вариант третий – за границу. Тоже не подходит. Паспорт есть, денег нет, виз нет, мозгов, видимо, тоже.

Я обхватила голову руками.

Думай, Пономарёва. Думай, пока можешь.

Моя квартира больше не была безопасной. Стены давили, потолок нависал, каждая тень пугала. Я ловила себя на том, что прислушиваюсь к подъезду: не идёт ли снова Кулясов.

Страх больше не был вспышкой. Он стал фоном. Как гул трансформатора, который не слышишь, пока не останешься в тишине.

И вдруг...

Тётя Таня.

Мысль возникла не сразу. Сначала – ощущение. Запах морозного воздуха. Скрип снега под сапогами. Деревянный дом, который всегда был прохладным утром и тёплым вечером. Кухня, где пахнет тестом и луком. И тётя Таня в старом свитере, с закатанными рукавами и добрыми глазами.

Тара.

Слово всплыло в голове, как спасательный круг.

Тара – это не просто город. Это край географии. Дальше только тайга, мороз и люди, которым до чужих проблем нет никакого дела. Это далеко за Уралом. Это почти другая вселенная.

Я закрыла глаза.

В детстве я уезжала туда каникулы. Тогда это казалось ссылкой. Долгая дорога, автобус, который идёт полжизни, пыль, потом бесконечная зелень, комары, волки, змеи, а зимой лютый мороз.

Мне было лет двенадцать, и я плакала в первый же день, потому что «там нет ничего». Ни огромных торговых центров, ни моих подруг, ни нормального интернета.

Тётя Таня тогда посмотрела на меня спокойно и сказала:

– Ничего – это когда тебя не ждут. А здесь тебя ждут.

И ведь правда ждала.

Я вспомнила, как спала на узкой кровати под лоскутным одеялом. Как утром замерзала, потому что дом ещё не прогрелся. Как летом мы ходили с тётей по ягоды и грибы.

Тогда мне казалось, что это временно. Что я вырасту и больше никогда туда не поеду. Как же я ненавидела эту Тару тогда.

А сейчас...

Сейчас Тара была единственным местом, где меня не будут искать.

Москва для Кулясова – открытая карта. Питер тоже.

А Тара?

Туда не летают бизнес-классом. Туда не ездят «по делам». Туда едут либо потому что там родились, либо потому что больше некуда.

Я резко встала, прошлась по комнате, как зверь по клетке.

Напрямую в Тару из Москвы не попасть. Сначала поездом или самолётом до Омска, и потом от Омска на автобусе пять часов.

Да. Только автобус. Долго. Мучительно. Неудобно.

То что надо.

Я не строила иллюзий. Не думала, что исчезну навсегда. Но мне нужно было время. Несколько недель, месяцев, полгода. Чтобы понять, что делать дальше. Чтобы не жить с ощущением, что дверь вот-вот откроется и мне наступит пипец.

3. Юля

Телефон тёти Тани я нашла не сразу.

Мы почти не общались. После того как мама умерла, а папа растворился в своей новой семье, тётя Таня осталась на периферии моей жизни. Редкие звонки на праздники. Сухие, но обязательные. Она никогда не лезла в душу, не навязывалась. Она просто... была.

Где-то там, за тысячи километров, в своём деревянном доме на краю таёжного городка. Тётя Таня рано овдовела, и замуж больше не выходила. Детей у неё не было.

Я набрала номер. Не раздумывая. Потому что, если бы начала думать, не решилась бы.

Гудки прозвучали протяжно и пусто, будто сигнал пробивался сквозь толщу снегов и время. Шесть. Семь. Я уже собралась положить трубку с облегчением и разочарованием, когда услышала:

– Алло?

Голос был тёплым, чуть грубоватым, таким же, каким я его помнила. В нём не было ничего от московской гладкости. Только сибирская прочность, будто бы ей не впервой принимать звонки посреди ночи от растерянных родственников.

Чёрт, я напрочь забыла про разницу во времени. У Тёти Тани ночь уже.

– Тётя Таня... – сорвалось у меня, и я тут же испугалась. Потому что голос предательски задрожал, выдавая всё: страх, безнадёгу, эту щемящую пустоту под рёбрами.

– Юлька? – наконец откликнулась она. И тут же, без лишних вступлений: – Что стряслось-то?

– Ничего, – соврала я. – Просто... соскучилась.

– Так в гости приезжай, раз соскучилась.

– А я как раз и собиралась спросить: можно?

– Нужно, Юленька! Ты правда приедешь? – с недоверием спросила тётя Таня. – А... Когда?

– Ещё билеты не брала. Я хотела спросить... У вас там... на Новый год снег есть?

– Как же без снега, – фыркнула тётя Таня. – Ты мне позвони, Юленька, когда встречать тебя. Ты одна приедешь или с мужем?

– Я не замужем, тёть Тань.

– Ну, это ничего. Ты же ещё совсем молоденькая.

Так-то двадцать пять мне, почти тридцатник. Но, да, до замужества ещё не созрела. Не нашла своего олигарха да такого, чтобы подписчикам не стыдно было показать.

– Я вам завтра позвоню ещё, тётя Таня. Простите, что разбудила.

– Спокойной ночи, моя хорошая. И вещи! Вещи потеплее бери. У нас тут климат!

– Хорошо возьму.

Я положила трубку и вздохнула с облегчением.

Осталось собрать чемодан.

Я делала это быстро. Не потому, что была смелой и решительной, а потому, что если остановлюсь, начну выть.

Чемодан стоял раскрытый посреди комнаты, и в него влезало удивительно мало жизни. Документы, деньги, зарядки, тёплый свитер, джинсы, бельё – всё, что можно было унести в руках. Всё остальное придётся оставить. Навсегда.

Я прошла по съёмной квартире, как по чужой. Хотя ещё вчера она была моей.

На кухне осталась кофеварка. Глупо, да? Я любила этот утренний гул, запах свежемолотых зёрен, будто у меня есть утро, будущее, планы. Любимая кружка с отколотым краем, которую я покупала «на первое время», а пила из неё три года. Я провела по ней пальцем и поставила обратно. Пусть будет здесь. Пусть кто-нибудь другой тоже будет думать, что это временно.

В шкафу останутся дизайнерские наряды, которые не смогут поехать со мной.

Книги, которые я даже не успела прочесть. В ванной адова куча косметики. И ВСЁ нужное!

На подоконнике цветок. Я купила его случайно, потому что он был уценённый и уже почти засохший. Мы выжили вдвоём. Я поливала его, разговаривала с ним, когда не с кем было говорить. Я не могла взять его с собой. Он не пережил бы дорогу.

И вот здесь меня накрыло. Не от потерь. От сожалений.

Я сожалела не о вещах. Я сожалела о том, что верила. Что обживалась. Что позволила себе думать, будто это место – дом.

А теперь мне придётся начинать всё заново. И всё из-за этой идиотки Ирины Кулясовой. Чтоб она провалилась, сука тупая! Чтоб они с Фёдором обанкротились вообще! Наглухо! А потом их Камаз переехал два раза!

Больше всего мне было жалко мой блог успешного таролога в соцсетях. Его придётся снести. Если начну туда что-то выкладывать, Кулясов меня сразу вычислит на раз.

Ни имущества, ни денег, ни образования, ни семьи...

В Москве у меня была хотя бы иллюзия успешности, а теперь меня словно в Сибирь сослали с голой жопой.

4. Юля

Я была готова.

Чемодан стоял у двери. Слишком тяжёлый для человека, который собирается исчезнуть. В ней уместилась вся моя жизнь, если не считать страхов, которые в чемоданы не кладут. Куртка накинута. Шарф затянут так, что трудно дышать. Документы во внутреннем кармане, деньги в носке, карты таро на самом дне, как тайный амулет.

Я выключила свет. Постояла секунду в темноте. Прислушалась.

Ничего.

Я медленно открыла дверь и вышла в подъезд. Лампочка под потолком мигнула, будто предупреждая об опасности. Я спустилась на пролёт, выглянула в окно на площадке между этажами и замерла.

У подъезда стояли двое.

Не курили, не разговаривали, просто стояли.

Один прислонился к капоту тёмной машины. Второй смотрел в телефон, но так, что я сразу поняла, что он видит всё. Подъезд. Окна. Дверь.

Люди Кулясова.

Сердце упало прямо в трусы. Я резко отступила назад, прижалась к стене и закрыла глаза. *Спокойно. Не паникуй. Паника – это для тех, кого уже схватили.*

Я вернулась в квартиру и закрыла дверь. Тихо. Аккуратно. Будто они с улицы могли услышать, как щёлкает замок.

Меня трясло. Фёдор не шутил. Он действительно следил за мной.

Я прошла по комнате. Варианты закончились быстрее, чем начались.

Через окно? Третий этаж. Снега толком нет. Вдруг я сорвусь прямо на асфальт? Камеры к тому же. Слишком заметно.

Ждать? Но чего?

Я села на край дивана и уставилась на телефон, будто он мог подсказать выход. И он подсказал. Приложение о доставке пиццы.

Я заказала пиццу в ближайшей круглосуточной. Самую обычную. Самую банальную. С оплатой наличными на всякий случай. Адрес ввела дрожащими пальцами и несколько секунд смотрела на экран, пока не появилась надпись: *Курьер выехал.*

Сорок минут. Самые длинные сорок минут в моей жизни.

Я сидела у двери, не раздеваясь, слушала каждый звук с улицы, каждый хлопок двери в подъезде.

Когда раздался звонок в дверь, я вздрогнула так, будто меня ударили током.

– Кто там? – на всякий случай спросила я, хотя прекрасно видела в глазок парня в жёлтой униформе.

– Доставка! – раздался бодрый голос.

Я выдохнула и открыла.

На пороге стоял парень лет двадцати. Шапка, куртка, огромный термобокс за спиной. Лицо обычное. Усталое. Ничего подозрительного. Самый нормальный человек из всех, кого я видела сегодня.

– Ваш заказ, – сказал он и протянул коробку.

Я посмотрела на него и поняла, что сейчас скажу самую странную фразу в своей жизни.

– Спасибо. Слушай, – начала я тихо. – Это будет звучать... странно.

Парнишка насторожился.

– Если у вас нет денег...

– Деньги есть, – быстро сказала я. – Мне нужна помощь. Срочно.

Он замялся.

– Какая помощь?

Я открыла дверь шире,пустила его на шаг и прошептала:

– Меня караулят. У подъезда. Мне нужно выйти так, чтобы они подумали, что это ты.

Он моргнул.

– Чего?

– Я серьёзно, – сказала я, чувствуя, как голос начинает дрожать. – Мне реально угрожают.

Я не сумасшедшая. Я просто... не могу выйти.

Он посмотрел на меня. Потом на чемодан у двери. Потом на лестницу.

Мы стояли так несколько секунд. Я видела, как в нём борются здравый смысл и обычное человеческое любопытство.

– Ладно, – сказал он наконец. – Что вы хотите?

У меня подкосились ноги от облегчения.

– Может, ты просто вынесешь меня в своей сумке?

Он посмотрел на свою сумку, потом на меня, потом снова на сумку.

– Девушка, – сказал он осторожно. – Вы туда не влезете. Даже если очень захотите.

– Я уже поняла, – кивнула я. – Тогда так. Ты дашь мне свою куртку и сумку. А я отдам тебе свою. И чемодан. Я выйду как ты. В твоей одежде, с твоей сумкой. Они решат, что ты просто уезжаешь, отработав заказ.

– А я?

– А ты выйдешь следом. С моими вещами. И мы встретимся за углом дома. Там поменяемся обратно.

Он долго смотрел на меня. Потом медленно произнёс:

– Вы ебанутая?

– Пусть будет так, но я ещё и очень благодарная.

Купюра в пять тысяч рублей заставила курьера пересмотреть свои взгляды на мой план. Мы действовали быстро.

Он снял куртку. Отдал мне шапку. Его сумка пахла пищей и свободой. Я натянула куртку, опустила голову, спрятала волосы под головной убор.

– Сутультесь, – посоветовал он. – Вы слишком... аккуратная.

Я попыталась сгорбиться. Получилось плохо, но лучше, чем ничего.

Я вышла первой.

Сердце колотилось где-то в ушах. Я шла, опустив голову, стараясь не смотреть по сторонам. Куртка была велика, рукава мешали, но я старалась выглядеть непринуждённо.

Когда я вышла из подъезда, холод ударил в лицо. Я краем глаза увидела их.

Они смотрели, но не на меня. Один скользнул взглядом и тут же отвернулся. Второй даже не поднял головы.

Я шла. Медленно. Уверенно. Как курьер, который просто отработал смену и хочет домой.

За спиной хлопнула дверь. Парень из доставки вышел следом с моим чемоданом.

Я дошла до угла дома и свернула. Спряталась за мусорные баки и только там позволила себе вдохнуть.

Руки тряслись так, что я едва не уронила сумку.

Через минуту он появился.

– Всё? – спросил он.

– Да, – выдохнула я. – Спасибо.

Мы быстро поменялись вещами.

– С наступающим, – сказала я.

– Вам бы в разведку, – усмехнулся он.

Мы разошлись в разные стороны.

Я шла по двору, не оборачиваясь, чувствуя, как адреналин медленно отпускает, оставляя после себя пустоту и дрожь.

Теперь в аэропорт.

5. Иван

Я всю жизнь любил одну женщину.

Звучит как фраза, которую принято говорить с улыбкой, будто это про верность, про красивую легенду. Но в моей истории нет ничего красивого. Есть только привычка жить так, будто где-то за горизонтом всё ещё ждёт тот самый день, когда она скажет: «Прости. Я была душой. Я выбрала не того».

Я и сам не заметил, как превратил свою любовь в оправдание всему.

Не женился, потому что «не встретил такую». Не завёл детей, потому что «сначала надо встать на ноги». Не пустил никого ближе, потому что «не хочу обманывать».

А правда проще и стыднее: я боялся, что если впущу другую женщину, то предам ту, которую придумал себе двадцатилетним и таскал внутри уже пятнадцать лет.

Я называл её Ласточкой. Тогда, в общаге, когда она выходила из аудитории, закутанная в тонкий шарф, и смеялась так, будто смех был ей выдан самим богом, я думал, что у меня всё получится. Что я буду работать, пахать, таскать мешки, читать ночами, но однажды обязательно стану человеком, с которым ей не будет стыдно.

Потом она нашла себе папика.

Я помню тот разговор до мелочей.

– Ты хороший, Ванечка, но... ты же понимаешь.

Я понимал.

Она не сказала «бедный». Она сказала «нестабильный», «перспективы», «мне нужно другое». Но смысл был один – меня не выбрали, потому что я не тянул по бюджету.

И вот теперь, спустя столько лет, она едет ко мне.

Можно было бы сказать: «судьба». Но я просто остался тем двадцатилетним в одном и том же моменте, только стены меняются и морщины добавляются.

Она сказала, что её муж скончался, и ей очень плохо. Произнесла это так, будто не могла дышать. Будто поднимается по лестнице, а воздуха не хватает. И я поверил. Конечно, поверил. Потому что во мне до сих пор живёт тот студент, который готов был на всё ради неё.

– Мне нужна... поддержка, – сказала Ласточка. – Я не могу быть одна.

Я не спросил, почему именно я. Не спросил, где её подруги, родственники, мир, который она выбрала тогда вместо меня. Я только выдавил:

– Приезжай. Я жду.

С тех пор я жил как на пороховой бочке, готовясь к её приезду. Мне всё казалось, что мой дом недостаточно идеален для этой особенной гостьи. Я даже строил его с мыслями о Ласточке, надеялся, что он ей понравится, и это не будет выглядеть как провинциальная попытка соответствовать.

Я открыл шкаф. Достал плед, который покупал ещё «на потом» – тёплый, мягкий, серый. Тот самый «на случай, если...». Вся моя жизнь была «на случай, если».

К дому подъехала машина. Мой друг Саня. Он всегда заходил так, будто это его дом тоже. Может, так и было: кроме Сашки и его бывшей жены тут особо никто и не бывал.

– Ну что, жених, – сказал он вместо приветствия, стаскивая шапку. – Смотри-ка, у тебя тут прям... подготовка.

– Не начинай, – буркнул я и улыбнулся.

Не потому, что радостно, а скорее от нервов. Саня прошёлся взглядом по кухне, по ровным стопкам тарелок, по идеально расставленным стульям.

– Ты знаешь, что меня больше всего пугает? – спросил он. – Что мужик так отпидоривает хату, будто к нему царица едет.

Саша мог говорить что угодно – ему позволено. Он видел меня разным. Даже таким, каким я себя не хотел видеть.

– Сам знаешь, что она и есть для меня царица.

– Она привыкла к другой жизни, Вань, – продолжил он уже мягче. – Ты сам понимаешь. Если хочешь, чтобы ей было... комфортно, подумай о помощнице.

– О ком?

– Домработница. Горничная. Да хоть баба из соседнего переулочка, которая раз в два дня полы помоеет. Не потому что ты не можешь, а потому что... ну, ты же знаешь. Женщина из московской роскоши и в наш колхоз – это пиздец.

Я поставил чайник, потому что руки надо было чем-то занять.

– Я справлюсь, – сказал я и услышал, как это звучит. Как обещание, которое я даю не Саше, а себе. Как будто от этого зависят её чувства ко мне. Её «спасибо». Её «ты мне нужен, Ванечка».

– Ты справишься. Только не надо на себе всё тащить. И ещё... – он замаялся, и это было уже серьёзно. – Ты уверен, что она...

– Уверен, – перебил я слишком резко.

Уверен в чём? В том, что она овдовела? В том, что она едет ко мне потому что ей плохо? В том, что я ей нужен?

Я был уверен только в одном – в своей любви. Она у меня вечная, как асфальт, который я выпускаю на своём заводе.

Саня уехал, и я проверил гостевую комнату ещё раз. Шторы ровные. Лампа работает. Ваза пустая – цветы куплю в день приезда, свежие. Дурацкая мелочь, но мне хотелось, чтобы её встречало что-то живое, а не только мой вылизанный порядок.

Потом пошёл проверить свою живность. Пса по кличке Угрюмый и медвежонка Яшу, которого я подобрал раненого летом на охоте. Привёз домой, выходил, но отпустить пока не решился. Боялся, что опять с ним что-нибудь случится.

– Ну что, Яшка, – говорю я, открывая защёлку на двери в его клетке. – Опять не спишь? – Он фыркает. Прямо по-человечески. Как будто отвечает: *А ты сам чего не спишь?* – Ты понимаешь, что ты неправильный медведь? – спрашиваю я и накладываю ему в миску еду. – Все спят, а ты тут спектакль устраиваешь.

Яша встаёт на задние лапы, опирается мне на спину и тянет морду ко мне. Большой уже. Тяжёлый. Лижет мне шею, лицо.

– Эй! Я не еда! – усмехаюсь я, и Яшка переключается на миску. – Она скоро приедет, – говорю Яше тихо, сам не знаю зачем. – Говорит, ей плохо. А я... я вроде как должен быть рядом.

Яша жует, слушает. Не перебивает. Лучший собеседник из всех.

– Я без неё живу всю жизнь, как ты без спячки.

Сбоку, у вольера, сидит Угрюмый.

Пёс у меня соответствующий имени: морда суровая, уши полуприжатые, взгляд такой, будто он пережил три жизни и ни одна ему не зашла. Он не лает просто так. Он вообще редко лает. Обычно просто смотрит и этого хватает.

Угрюмый не любит Яшу. Это он его и нашёл на охоте. Не ненавидит – именно не любит. Считает его подозрительным типом. Медведь, а в клетке. Не по правилам. Разве для этого он его находил?

– Не смотри так, – говорю псу. – Яша не виноват. Он ещё маленький.

Угрюмый переводит взгляд на меня, медленно моргает. Яша, заметив внимание, перестаёт есть и садится. Нос вверх. Глаза на пса.

– Только без глупостей, – предупреждаю я обоих. – Вы мне тут ещё подеритесь.

Яша чихает. Угрюмый фыркает. Мир установлен.

Я присаживаюсь на корточки возле клетки. Снег под ногами скрипит, холод пробирается через штаны, но уходить не хочется. Тут как-то... спокойно. Проще, чем в доме.

Я выхожу со двора и думаю, что странно это всё: медведь, который не спит, пёс, который слишком много понимает, и я – мужик, который всю жизнь ждал одну женщину.

Может, и правда стоит разбавить нашу компанию горничной?

6. Юля

Я сняла с карты всё. До копейки.

Банкомат в аэропорту глотал карту, выплёвывал наличку и снова глотал, а у меня дрожали пальцы так, будто я не деньги вытаскиваю, а собственное сердце из грудной клетки. За спиной кто-то кашлянул, прошаркал чемоданом, и я дёрнулась, как от выстрела. Повернулась – обычный мужик в пуховике, скучающие глаза, телефон в руке.

Не он. Не те.

Наличные были единственным, что не оставляет следов. По крайней мере, таких, к которым привык Кулясов.

Я сунула пачку в внутренний карман куртки, застегнула молнию до горла и поймала своё отражение в стекле: бледная, глаза слишком большие, губы пересохшие. Лицо человека, который не бежит, а выживает.

Самолёт в Омск взлетел тяжело, будто тоже сомневался, надо ли. Когда колёса оторвались от земли, мне на секунду стало легче. Не потому, что я в небе, а потому не в Москве, не в его городе, не в его власти.

Я уткнулась лбом в иллюминатор и попыталась не думать. Не вспоминать, как Фёдор смотрел на меня.

«Не делай глупостей и не пытайся сбежать. Я тебя найду в любом случае. Но мне не хочется портить себе предновогоднее настроение».

В Омске пахло холодом и провинцией. Я боялась, что меня схватят по прилёту, но этого не случилось.

Я купила билет до Тары наличными. Автобус Кулясов не отследит. Вот теперь можно было расслабиться по-настоящему. Только дорога, хруст снега под колёсами и чужие разговоры.

Пожилая женщина рядом всю дорогу обсуждала с кем-то по телефону, как у них «всё подорожало, а пенсия – как была». Молодой парень в наушниках смотрел в одну точку и явно переживал свою личную драму.

Нормальная жизнь.

Тётя Таня стояла у машины, в тёплой шапке, с руками в карманах. Она стала старше, конечно. Но глаза те же. Живые. Смешливые, даже когда сердятся.

– Господи... – она обняла меня так крепко, что я на секунду перестала быть взрослой и снова стала той девчонкой, которую привозили летом в сюда и кормили до треска пуговицы на поясе джинсов.

– Ты чего такая худющая? – она отстранила меня, оглядела с головы до ног. – И бледная. Случилось что?

– Да так, – я улыбнулась, и улыбка вышла кривой. – Москва утомила.

– Поехали домой. Там тепло. Юль, ну я же просила потеплее одеваться, а не вот это вот всё! – показала она на мою коротенькую курточку.

Дом тёти Тани стоял на том же месте. Тот же забор. Те же ступеньки. Даже коврик у двери, кажется, не менялся лет сто. Ничего не изменилось, кроме кошек.

Они были везде. На спинке дивана рыжий комок с наглой мордой. На подоконнике чёрная, как ночь, тень с янтарными глазами. Под столом полосатый, который делал вид, что ему всё равно, но хвост выдавал интерес.

– Знакомься, – сказала тётя Таня, снимая шубу. – Это Фрося. Это Пират. Это... ну, это просто Кот. Я устала придумывать имена.

Кошки подошли ко мне без страха, как будто давно знали. Тёрлись о ноги, нюхали чемодан, прыгали на колени. Я опустила на диван, и они тут же облепили меня тёплыми боками.

И всё.

Словно кто-то выключил внутри меня сигнализацию.

Я лежала три дня. Реально лежала: в пледе, обложившись кошками, которые сменяли друг друга, как караул. Спала, просыпалась, снова спала. Ела, потому что тётя Таня ставила тарелку прямо на табуретку рядом с кроватью и говорила своим привычным тоном:

– Ешь. Потом будешь страдать.

Иногда я ловила себя на том, что прислушиваюсь к телефону. Я ждала, что он завибрирует. Что появится неизвестный номер. Что голос скажет: «Ну что, доигралась, тупая пизда?»

Телефон молчал. Не знаю, хорошо это или плохо.

На третий день тётя Таня села рядом, положила мне на ноги тёплого кота и вздохнула так, будто собиралась закрывать годовую отчётность.

– Июль, – начала она спокойно. – Ты у меня тут сколько собираешься лежать?

– До весны, – пробормотала я, зевая.

– Ты отдохни, конечно, но жить-то надо. Ты работать собираешься?

– После Нового года, – ответила я и сама услышала, как это звучит: как отговорка. Детская, жалкая.

– Образование у тебя какое?

– Школа, – сказала я тихо. – Ну... девять классов. Потом... один курс поварского колледжа. Потом...

«Потом» у меня было богатое. Потом я гадала на картах. Потом убеждала людей, что «энергии сходятся», и брала деньги за то, что слушала их боли. Потом встретила Кулясову Ирину...

Тётя Таня не осудила, не закатила глаза.

– Понятно, – сказала она. – Тогда слушай. Есть вариант. – Кот на моих ногах заурчал, будто тоже прислушался. – У меня начальник, – продолжила тётя Таня. – На асфальтном заводе. Нормальный мужик, строгий, но справедливый. Дом у него большой, поэтому ему нужна горничная. Ты бы пошла? Он просил меня помочь подыскать кого-нибудь ответственного. Ну, чтоб не воровала, нос в его дела не совала, без вредных привычек...

Я сначала даже не поняла, что она реально это говорит. Горничной. Мне? Юле Пономарёвой, которая в Москве ходила с ресницами, как крылья, и строила из себя лакшери тёлочку, которой всё можно?

Я поднялась на локте, глядя на тётю Таню, будто она предложила мне лечь на рельсы.

– Тётя Тань... Вы серьёзно?

– Абсолютно, – она пожала плечами. – А что? Работа как работа. Деньги платят хорошие. Иван Петрович тебя не обидит. Зря ты что ли год на повара училась?

Господи боже. Как объяснить тётю Таню, что это ниже моего достоинства?

Я отвернулась, чтобы она не увидела, как у меня дрожит подбородок. Правда была простая и мерзкая: кроме как гадать на картах, я ни хрена не умею. Я умею красиво говорить. Умею смотреть так, чтобы человек поверил. Умею обещать судьбу. Умею выёбываться в соцсетях перед своими подписчиками.

Но я совершенно не умею жить как обычные люди.

Кем я ещё могу работать со своими девятью классами? Меня даже в "Шестёрочку" на кассу не возьмут, только полы мыть. Лучше уж у этого дедули Ивана Петровича полы намыывать, чем за сотней покупателей. И никто не увидит меня за этим унижительным занятием, кроме него.

– Я согласна, – сказала я наконец и почувствовала, как внутри что-то ломается и одновременно выпрямляется.

– Вот и умница. Завтра отвезу тебя. Поговоришь. Посмотришь. Не понравится – уйдёшь.

Идти было пока что некуда. Не стояла ко мне очередь из вакансий.

Нравится, не нравится – терпи, моя красавица.

7. Юля

Коттедж Маркова я сначала даже не приняла всерьёз.

Подумала: ну, дом и дом. Откуда в Таре олигархи? Ну и что, что директор асфальтного завода? Забор просто повыше поставил, чтобы все думали, что за ним что-то крутое. А там поди избушка на курьих ножках.

Но когда тётя Таня свернула с дороги, и я увидела коттедж, мне стало неловко за свои мысли.

– Охренеть... – выдохнула я и тут же прикусила язык, чтобы не добавить чего-нибудь матерного или просто позорного.

Дом стоял чуть в стороне от других, будто ему было в падлу общаться с соседями. Большой, строгий, без вычурности – не дворец, но и не дача. Тёплый гараж на две машины, рассчитанный подъезд, аккуратный двор. Даже снег здесь лежал как-то организованно.

Дверь открылась, и из дома вышел мужчина. Не вышел – возник.

Мой мозг на секунду отключился, оставив только животное, примитивное восприятие. Высокий. Причём капец какой высокий – ростом во всю дверь. И шириной такой же.

Куртка простая, но явно не из «Смешных цен». Лицо спокойное, взгляд прямой.

Красивый. Очень даже. Правильные черты лица, но не смазливый, скорее жёсткий. Скулы, будто высеченные топором, твёрдый подбородок с ямочкой, как я люблю.

И глаза. Серые, холодные, как снежная туча. Они остановились на мне, и меня будто окунули в тёплую ванну, а затем ударили током. В животе ёкнуло что-то и сладко заныло. По спине пробежали мурашки от от этой немой, подавляющей мужской силы, которая от него исходила.

Вот это мужик! Чей это, интересно туз из колоды выпал? Этот красавчик тоже тут работает? Вот было бы круто!

– Иван Петрович, – засуетилась тётя Таня, – знакомься. Юля, племянница моя.

Мать честная! Так это ОН? А где дедуля?

Поняв, что никаких пенсионеров не предвидится и в помине, я улыбнулась и протянула руку своему будущему рабовладельцу. Не заискивающе, нет. Ровно настолько, чтобы не выглядеть испуганной мышью.

– Здравствуйте, – сказала я. – Очень приятно.

Его ладонь была большой, шершавой, с мозолями. Пожал не сильно, но так, что я почувствовала каждую выпуклость, каждую прожилку. Тепло от его кожи приятно разлилось от пальцев по всей руке.

– Иван, – сказал он коротко. Голос низкий, грудной, с лёгкой хрипотцой. – Петрович, – добавил он, не намекая на субординацию, а будто по лбу мне ею дал. – Заходите.

Дом внутри оказался идеальным. Нет, не люксовым, а именно **идеальным**. Чисто. Просторно. Светло. Ничего лишнего. Кухня – как из журнала, но без ощущения, что тут когда-то готовили для фотосессии. Всё настоящее. Рабочее.

И... Та-да-ам! Чисто!

Я машинально огляделась, ожидая увидеть хоть что-то, за что можно зацепиться взглядом горничной: пыль, разводы, забытая кружка. Ничего.

– У вас тут... – начала я осторожно. – Порядок.

– Я не люблю бардак, – ответил Иван. – И людей, которые его создают тоже.

Ну, спасибо, сука, сразу обозначил правила игры.

Тётя Таня суетилась, рассказывала что-то про мои «заботливые руки» и «ответственность», а я тем временем понимала одну простую вещь: работать мне тут будет почти нечего.

Он один, хоть и педант. И он явно не из тех, кто разбрасывает носки и оставляет посуду в раковине «до завтра».

Мне подходит. Надо хвататься за этого Петровича обеими руками.

Плевать на зарплату. Если он мне ещё и жить здесь разрешит, я с ума сойду от счастья.

И тут я сделала единственное, что умела делать хорошо – включила Москву.

– Знаете, Иван Петрович, – сказала я, проходя на кухню и будто между делом поправляя вазу, – чистота – это прекрасно, но уют – это немного другое. Дом должен дышать, а не только сверкать.

Он приподнял бровь.

– И чем же ему дышать?

– Ну, – я огляделась, – текстилем, светом, запахами. У вас всё правильно, но... как в отеле. А в отелях не живут. В них просто ночуют.

Тишина повисла такая, что я на секунду пожалела о своём длинном языке. Тётя Таня кашлянула.

Иван посмотрел на меня как на недоразумение.

– Вы всегда так разговариваете с работодателем? – спросил он.

– Только если хочу, чтобы он был доволен, – пожала я плечами. – И его гости тоже.

Он хмыкнул. Еле заметно.

Один-ноль в мою пользу.

Мы прошли по дому. Гостиная спальня. Кабинет. Ванная как в дорогом спа, где ты боишься что-то тронуть, чтобы не сломать атмосферу.

И вот тут я заметила странность.

Свежая постель. Новые полотенца. Пустая ваза явно под цветы. И бутылка вина на комод. Закрытая. Ждущая.

Ага. Петрович кого-то ждёт. Не «когда-нибудь». Не абстрактно. Скоро.

Женщину...

Я почувствовала, как что-то неприятно кольнуло под рёбрами. Глупо. Нелогично. Я здесь вообще по работе. Мне должно быть всё равно.

– У вас гости ожидаются? – спросила я нарочито легко.

– Да, – ответил Иван, не глядя на меня. – Особенная гостья. Из столицы.

Вот теперь стало смешно.

Особенная. Ага, конечно.

И тут я, не успев подумать, ляпнула:

– Тогда вам повезло.

Он повернулся.

– В чём?

– Я готовлю просто потрясающе! – сказала я с самым серьёзным видом. – Особенно... сложные вещи. Московская кухня, авторские блюда, подача.

Юля, остановись.

Но было поздно. И мне нужна была эта непыльная работёнка.

– Да? – в его голосе появилась заинтересованность. – А Татьяна Сергеевна говорила, у вас один курс поварского колледжа.

– Целый курс! – подчеркнула я. – Лучше один раз попробовать мои кулинарные шедевры, чем сто раз спросить о моём образовании.

– В Москве все такие самоуверенные?

– Я...

– Я вас возьму, – не дал мне договорить Иван. – Но только на испытательный срок и только потому, что вы племянница Татьяны Сергеевны.

О, боги! Какая честь!

С виду красавчик, а характер – говно. Теперь понятно, почему он до сих пор не женат.

– Спасибо, Иван Петрович, – с улыбкой выдавила я.

Когда мы вышли обратно в коридор, тётя Таня сияла, как будто устроила меня на работу в Кремль.

– Ну что, – сказала она. – Берёшь?

Иван посмотрел на меня в последний раз. Долго. Взвешивая свое решение.

– Беру, – сказал он. – Попробуем.

Попробуем? Я улыбнулась.

А ты даже не представляешь, что именно мы попробуем.

8. Иван

Юля влетела в мою жизнь с ноги.

Я увидел её, и мозг сделал отметку, которую потом пришлось выцарапывать ногтями: красивая пиздец!

Зелёные глаза. Наглые, я бы даже сказал: бесстыжие. Смотрит так, будто это я к ней пришёл на работу устраиваться, а не наоборот.

Фигурка ладная. Не худышка и не кукла, а живая, женственная, длинноногая, с сочной задницей, в которую хочется вцепиться обеими клешнями. Волосы длинные, каштановые, будто специально для того, чтобы их наматывать на ладонь в моменты, когда теряешь контроль, засаживая сзади.

Я ненавидел себя за эти мысли. У меня есть уже любимая женщина. Я, конечно, монахом не жил все эти годы, но сейчас на других смотреть права не имел.

Тут же начал убеждать себя, что Юля меня просто раздражает. И даже местами бесит.

Наглая, ушлая, бесцеремонная. Слишком много болтает. Слишком много двигается.

Татьяна Сергеевна уехала быстро. Как всегда, сказала пару фраз по делу, уточнила пару моментов и, не оглядываясь, вышла, оставив нас наедине.

Я даже проводил её взглядом с неожиданной тоской, потому что с ней было понятно: бухгалтер, правила, отчёты, порядок.

А с Юлей...

С Юлей не было ничего понятного.

Она уже сняла куртку, потом и свитер, оставшись в одной майке. Видать жарко ей стало. Это было странно, потому что под майкой у неё не было даже лифчика.

У меня задёргался глаз. Я поспешно отвернулся, чтобы так явно не таращиться на женскую грудь. Пышную, упругую, почти неприкрытую...

Господи, о чём я?

Я кашлянул. Не потому, что закашлялся. Потому что нужно было хоть что-то сделать с ощущением, что эта девчонка развязала у меня в голове узел, который я долго держал затянутым.

– От вас требуется порядок, – сказал я. – И тишина.

– Ой, – Юля распахнула глаза. – С тишиной будет сложнее.

Я уже, блять, понял. Она улыбнулась. Широко, уверенно, как будто это мы с ней давно знакомы, и меня немного отпустило.

Юля огляделась, будто хозяйка, и вдруг сказала:

– Слушайте, а у вас Новый год как будет? Никак?

Я моргнул.

– В смысле?

– В прямом, – она махнула рукой, показывая на пространство. – Ёлка, гирлянды, мишура, свечи, настроение. Вы же гостью ждёте?

Я напрягся.

– Это не ваше дело.

– Моё, – спокойно возразила она. – Потому что, если она приедет, а тут... ну... стерильно, как в операционной, ей будет неудобно. А если ей будет неудобно, вы будете нервничать. А если вы будете нервничать, то, скорее всего, меня уволят. Мне оно надо?

Я открыл рот, чтобы ответить что-нибудь грубое, осадить эту нахальную сучку, но не нашёлся что возразить.

Потому что она была права, и это бесило ещё сильнее.

Я не любил суету. Не любил украшательства. Не любил «давай повесим снежинки на окна, а потом будем фотографироваться».

Для меня Новый год всегда был просто датой. Да, праздник. Да, застолье. Но без этой всей хуеты.

А тут... я действительно ждал гостью.

Особенную.

Ласточку.

Чёрт, даже от мысли о ней у меня внутри всё становилось мягче и хуже одновременно.

Я столько лет жил в ожидании этого чуда. Всё как должно быть, чтобы она увидела: я состоялся, я смог, я не тот студент с дырявыми кедами.

А тут появляется какая-то Юля и сразу говорит, что я выгляжу провинциальным лохом, потому что у меня нет мишуры и гирлянды.

– Я не планировал что-то украшать, – сказал я.

– Ну, и зря, – весело ответила она. – Женщины любят, когда ради них стараются.

Если бы она только знала, как я старался ради своей женщины, расплакалась бы, наверное. Я почувствовал, как уши начинают гореть.

– Вы слишком много болтаете, – заметил я и снова нечаянно посмотрел на её грудь.

Да что со мной такое?

– Я пытаюсь вам помочь, – невозмутимо ответила Юля. – Это моя работа. Создать уют. Понимаете?

Она подошла ближе, встала напротив и сложила руки на груди.

– Завтра пройдемся по магазинам вместе, – сказала она деловито. – Купим гирлянды, игрушки, что-нибудь стильное и красивое, то, что сейчас в тренде.

В тренде...

Как бы ни бесила меня Юля, я был в ней заинтересован как в специалисте. Кто, как не она, знает, как живут в Москве, то там в моде, что пьют, едят, носят? Я вдруг поймал себя на мысли, что не хочу выглядеть колхозником.

Не перед Юлей. Мне всё равно, что там думает зеленоглазая домработница. Мне важно, что подумает Ласточка.

И если Юля права... если Ласточка действительно обратит внимание...

– Хорошо, – сдался я. – Завтра утром съездим. Купите, что считаете нужным.

Юля просияла так, будто я только что подарил ей ключи от дома.

– Ура! – захлопала она в ладоши, и её грудь заколыхалась в такт. – Я сразу поняла, что вы умный мужчина.

Слишком много болтает. Я поднял палец, чтобы поставить границу.

– А сейчас, – сказал я, – идите готовить ужин.

Её улыбка стала хитрой.

– Проверяете?

– Оцениваю, – ответил я сухо. – Мне нужна помощница в доме, а не артистка разговорного жанра.

– Ой, как обидно, – вздохнула она, но глаза смеялись. – Ладно, шеф. Что готовить?

Я задумался. Сказать «макароны» – значит признать, что я действительно лох. Сказать «что-нибудь сложное» – значит дать ей повод выпендриться.

Я выбрал середину.

– Что-нибудь нормальное, – буркнул я. – Чтобы можно было понять, умеете вы готовить или просто трепаться.

– Ну, ОК, – ответила девушка и пошла на кухню, виляя жопой.

Я смотрел ей вслед и думал о том, что мне нужно срочно, немедленно, прямо в эту секунду почистить снег.

9. Юля

Когда Иван ушёл чистить снег, я впервые за весь день выдохнула.

Не потому, что стало легче. А потому что он перестал стоять рядом и смотреть так, будто оценивает меня на пригодность: к работе, к жизни, к существованию в его идеально вылизанном доме. От этого взгляда у меня внутри одновременно включались два режима: «соберись, Юля, ты взрослая» и «господи, какой же он...».

Я сама не знала, какой.

Мрачный. Красивый. Холодный. Брутальный.

Я прошла по кухне и на секунду зависла.

Блин.

Кухня была такая, что здесь хотелось не готовить, а сниматься. Белые фасады, техника встроенная, столешница такая гладкая, что по ней можно кататься на коньках. И главное, тут не было ни одного лишнего предмета. Ни пакета с пакетами, ни баночки «для всего», ни старой деревянной лопатки, которой мешают всё подряд.

А мне тут надо сыграть шеф-повара.

Врать Ивану было не страшно. Страшно было врать **такому** Ивану. У него лицо человека, который сразу чувствует фальшь. И он точно не поверит в мою историю про «авторскую кухню», если я подам ему макароны с кетчупом.

Я открыла холодильник.

И на секунду подумала, что меня сейчас выгонят из дома просто за то, что я не умею готовить из того, что там лежало.

Потому что внутри было из чего выбрать: мясо, рыба, сыры, овощи, яйца, молоко. Даже ананас.

Я закрыла холодильник и посмотрела в окно.

На улице Иван Петрович сгребал снег лопатой. Двигался спокойно, уверенно, как будто даже погода была обязана ему подчиняться. Куртка на нём сидела так, что я залипла на его сильных руках и широких плечах. Он работал без суеты, но в каждом движении было что-то такое хозяйское, властное.

Я тряхнула головой. Так, Пономарёва! Ты сюда работать приехала. А не мечтать, как тебя в сугробе...

Всё. Собралась.

Я открыла телефон и вбила в поиск:

ужин для мужчины который строгий и богатый быстрый рецепт

Гугл выдал мне варианты от «паста карбонара» до «утка в апельсинах» и почему-то «салат цезарь как в ресторане».

Я быстро переключилась на что-то попроще.

Окей. Паста карбонара. Ну это же просто, да?

Я открыла рецепт, начала читать и сразу увидела слово: гуанчиале.

– Гуан... что? – прошептала я и посмотрела в холодильник как в лицо судьбы.

Гуанчиале у него, конечно, не было. Он же не итальянец. Дальше в рецепте было ещё лучше: сыр пекорино Романо.

Я снова посмотрела в холодильник. Сыр "Российский" и сало.

Ладно, будет карбонара по-сибирски. Импровизация. Авторская кухня. Именно так и рождаются легенды.

Я достала сало. Ну, почти гуанчиале. Достала яйца. Это точно нужно. Достала сыр. Выглядел он дорого и очень аппетитно. И пофиг, что не итальянский.

Я включила плиту, налила воду, бросила соль, как видела у шефов в тиктоке уверенно, с видом «я так делаю каждый день».

И тут произошло первое, что должно было произойти.

Я уронила пачку пасты.

Она высыпалась на пол веером, как мои иллюзии о спокойной жизни в Таре.

– Да, бля... – я замолчала на полуслове, потому что в доме были камеры? Или Иван? Или бог?

Я присела и начала быстро-быстро собирать макароны, которые разлетелись по плитке. Правило трёх секунд здесь тоже должно было сработать.

В этот момент я услышала, как дверь на террасу открылась. Я застыла, а потом резко бросилась к плите.

Иван вошёл на кухню, стряхивая снег с рукавов.

– Как успехи? – спросил он ровно.

– Отлично, – сказала я. – Всё замечательно.

Он посмотрел на пол. Там валялась одна-единственная макаронина.

– Надеюсь, вы потом приберёте всё здесь? – сказал так, будто я всю кухню ему засвинячила.

– Само собой, – заверила я его.

Он хмыкнул и вышел. Я включила сковородку, положила кусочки сала.

И тут случилось второе. Сало начало стрелять.

Не просто шипеть. Оно устроило на сковородке настоящее сибирское восстание и брызнуло мне на руку.

– Ай! – я подпрыгнула и выронила лопатку.

Лопатка ударилась об пол и отскочила под шкаф. Еле выцарапала её из-под шкафа, будто вытаскивала собственное достоинство.

Пока сало жарилось, я взяла яйца. Отделила желтки. Один упал в миску, второй на стол. Третий... третий решил уйти из этого рецепта и скользнул по пальцам на пол.

Я закрыла глаза.

– Господи, – прошептала я. – Я обещаю, я больше никогда не буду врать про кулинарию. Снаружи снова хлопнула дверь.

Иван Петрович, видимо, продолжил чистить снег. А я продолжила чистить свою карму.

Через двадцать минут кухня выглядела так, будто здесь не готовили ужин, а проводили обряд изгнания бесов.

Но запах... Запах был потрясающий!

Я как раз поставила тарелку на стол и посыпала сыром, когда в кухню снова вошёл Иван. Я подняла голову и улыбнулась так, будто всё это время у меня ничего не падало, не брызгало и не убегало.

– Ужин готов, Иван Петрович, – сказала я торжественно. – Авторская карбонара.

Он подошёл. Посмотрел на тарелку. Потом на меня.

– Авторская? – уточнил он.

– Угу. В Москве это блюдо сейчас на пике популярности.

Он молча взял вилку. Я стояла рядом и понимала: сейчас решается моя судьба.

Если он скажет «невкусно», я пойду домой, точнее, к тёте Тане. Но сначала придётся драить его кухню, поливая её своими слезами неудачницы.

Он попробовал.

Секунда.

Вторая.

Его лицо не изменилось. Но глаза... Глаза чуть смягчились.

– Сойдёт, – сказал он.

Я чуть не села прямо на пол от облегчения.

– Сойдёт? – переспросила я, делая вид, что это меня оскорбляет. – Иван Петрович, в Москве от сойдёт шефы плачут.

– Мы не в Москве, – заметил он и схватил тарелку со стола. – Я поем в гостиной.

Я посмотрела на него, и вдруг мне показалось, что он смотрит на меня иначе. Не как на горничную. Не как на проблему. А как на...

Нет, Юля. Не надо.

Я отвела взгляд, взяла вторую тарелку и поставила себе.

– Приятного аппетита, – сказала я слишком бодро вслед Ивану.

Пономарёва, ты только не влюбись. У тебя и так проблем хватает.

10. Иван

Макароны оказались вкусными, и это выбесило меня больше всего.

Я честно ожидал провала. Переварено, пересолено, какая-нибудь московская хрень с претензией на «авторство», от которой потом вежливо отодвигают тарелку и говорят: интересно. Я уже был готов к этому морально.

Но они были нормальные. Даже больше – превосходными.

Я ел с аппетитом, не торопясь, и ловил себя на том, что вилка сама тянется за очередной порцией. Соус был правильный, паста не разлезлась, вкус замечательным.

Я бы, конечно, предпочёл макароны по-флотски. С фаршем и поджаркой, чтоб просто и без выкрутасов.

Но я не стал умничать. Потому что умничать – это выдать в себе колхозника.

Когда я принёс пустую тарелку на кухню, Юля с усердием драила её, врубив на своём телефоне какую-то попсу. Я в принципе не против музыки, но девушка слушала что-то такое, отчего мне зубы свело.

Модное, наверное? Только я вот был совсем не модным.

– Я сейчас закончу с уборкой и поеду, – сказала она, не оборачиваясь, прежде чем я начал нудить по поводу "потеше".

Ладно, потерплю. Это же ненадолго?

Я положил грязную посуду в раковину и завис.

Потому что Юля стояла, наклонившись вперёд, опираясь руками о столешницу. Простая поза. Рабочая. Ничего такого.

Но у меня в голове Юля делала совсем другое. Точнее, она ничего не делала. Это я делал, пристроившись сзади. Я поймал себя на том, что смотрю дольше, чем нужно. Слишком пристально. И думаю совсем не о чистоте кухни.

Стоп.

Я резко отвёл взгляд, будто обжёгся и ушёл в кабинет. Дел было по горло: бумаги, графики, расчёты. Год закрывался, завод жил своей жизнью, и мне нужно было держать всё под контролем. Я нырнул в работу так глубоко, что уже не слышал бесячей музыки, да и вообще забыл про Юлю.

Почти.

Когда через пару часов я вышел из кабинета, в доме было тихо. Слишком тихо.

Наверное, Юля ушла домой? Вот и прекрасно. Можно расслабиться без посторонних в доме.

Я прошёл в гостиную, чтобы выключить свет, и застыл на пороге.

Девчонка спала. На моём широком кожаном диване свернулась калачиком, подложив согнутую руку под щеку. Вторая рука бессильно свисала с края, пальцы почти касались пола. Волосы рассыпались тёмным водопадом по подушке, несколько прядей прилипли ко лбу и к уголку чуть приоткрытого рта. Она дышала глубоко, ровно, с едва слышным прерывистым всхлипом на вдохе – как очень уставшие дети.

Умаялась, бедняжка?

Вся её дневная наглая энергия, этот бронебойный взгляд и острый язык испарились. Осталась только уязвимость. Хрупкость изгиба шеи, синева прожилок на тонких запястьях, тень от длинных ресниц на щеке.

Я подошёл ближе, встал над ней. Раздражение, которое клокотало во мне всё это время, вдруг сникло, сменившись чем-то щемящим и неловким. Я смотрел на её губы – мягкие, слегка приоткрытые во сне, и представил, каково это – прижать к ним свои?

Нежно, чтобы не разбудить? Или резко, грубо, чтобы она проснулась от этого и увидела меня над собой? Чтобы в её зелёных глазах мелькнул сначала испуг, а потом вызов? Подчинение?

Я протянул руку, чтобы толкнуть её за плечо. Мои пальцы почти коснулись обнажённой кожи, но я остановился. Вместо этого я провёл пальцами по её щеке, убирая с неё прядки волос. Кожа оказалась невероятно мягкой, как лепесток. Внутри всё перевернулось.

– Юля! – громко прошептал я.

Она не проснулась. Только пошевелилась, устраиваясь удобнее, и мне показалось, что её грудь вот-вот вывалится из выреза тонкой майки.

Блять! Блять! Блять!

Я отшатнулся, будто от огня. Мне нужно было уйти. Сейчас. Но ноги не слушались. Я стоял, пьяный от этого зрелища, от её беззащитности, от той власти, которую она мне сейчас, сама того не зная, отдала. Было бы так просто наклониться, прижать её к дивану своим весом, завладеть её ртом.

Господи, боже! Я веду себя как маньяк.

Сдавленно выругавшись, я повернулся и почти побежал в спальню, схватил первый попавшийся плед. Вернулся в гостиную, стараясь не думать ни о чём. Наклонился над Юлей, стараясь дышать ровно. Аккуратно, с почти болезненной нежностью, укрыл её с ног до головы.

Я выпрямился. Постоял, глядя, как под пледом ритмично поднимается и опускается её грудь. В голове пронеслись обрывки мыслей, все о ней. Как она улыбалась днём. Как её глаза блестели, когда она спорила. Как будет выглядеть завтра утром, сонная и растрёпанная, на моей кухне.

Эта ведьма мне что-то в макароны подсыпала, иначе с чего я так на неё запал?

И с чего это в животе поднимается буря?

– Ур-р-р... – заурчало так громко, что я побоялся разбудить свою гостью.

Погасив свет, я ломанулся в туалет. И просидел там до полуночи как проклятый. Дристал так, что хоть замок на жопу вешай.

Я сидел на белом троне и мечтал уже не о том, как я трахаю Юлю, а как её душу. В голове крутились злые мысли, живот крутило, настроение было паршивое.

Авторская кухня, ёб твою мать!

Юля спала, и даже не подозревала, что я делаю с ней в своих фантазиях: душу и трахаю, трахаю и душу...

Спать я лёг поздно и абсолютно уверенный в одном: девчонку надо увольнять. Не буду ждать, пока она меня соблазнит или отравит.

11. Иван

Уволить московскую диверсантку Юлю – это первое, о чём я подумал, открыв глаза.

Утро я встретил злым, как человек, который половину ночи провёл на унитазе и теперь считает, что весь мир должен извиниться перед ним за своё существование. Голова тяжёлая, тело ватное, настроение – полное говно.

Я встал, умылся ледяной водой, посмотрел на своё отражение. Я взрослый мужик, директор завода, а не мальчик для экспериментов. Сейчас пойду и выставлю её вон.

План был простой как три копейки.

Найти Юлю, разбудить, если ещё дрыхнет. Сказать коротко: «Спасибо. Вы мне не подошли». Рассчитать её за вчерашний день. Попросить Татьяну Сергеевну найти кого-то другого. Желательно предпенсионного возраста и без гастрономических экспериментов.

Я спустился на первый этаж и замер. Потому что охеренно пахло блинами.

Не просто едой. Не просто «кто-то что-то жарит». Нет. Это был запах, который выстреливает в тебя, как воспоминание. Тёплый, густой, сливочный, такой, от которого мгновенно хочется жить и быть хорошим человеком.

Запах детства, уюта, когда у тебя вся жизнь впереди.

Я сглотнул. Желудок, который ещё ночью устраивал мне революцию, вдруг голодно заурчал, начав со мной переговоры.

Я прошёл на кухню. Юля хлопотала у плиты. И она выглядела так, будто не в доме чужого мужика ночевала, а у себя на кухне готовит завтрак мужчине, которого давно захомутала.

Ей бы подошла сейчас моя футболка или сорочка. И чтобы под ней ничего больше. Чтобы можно было усадить девушку на стол, вклиниться между длинных, стройных ног бёдрами, запустить руки под рубашку и...

Ну вот опять. Эти греховные мыслишки. Скорее бы Крещение. Надо смыть с себя всю эту дурь, да поскорее.

Или просто подрочить в конце концов.

Я замер в дверях, наблюдая, как Юля ловко переворачивает блин, как у неё чуть подпрыгивает локон, как она напевает что-то себе под нос. Лёгкая, живая, до боли домашняя. Такого на моей кухне ещё не бывало.

Девушка заметила меня не сразу. Потом обернулась, и на секунду её лицо стало таким виноватым, что у меня внутри что-то неприятно дёрнулось.

– Доброе утро, Иван Петрович, – сказала она осторожно.

– Доброе, – буркнул я и сразу вспомнил, зачем пришёл.

Уволить.

Но блины...

Она быстро вытерла руки полотенцем и смущённо добавила:

– Простите... я вчера уснула нечаянно. Я вообще не планировала. Просто... ноги уже перестали держать. Я глаза закрыла на минутку, а открыла – уже утро. Вы блинчики любите?

– Тоже по авторскому рецепту?

– Эм... Нет. На этот раз обычные. В интернете нашла.

– Ясно... – я подошёл ближе, увидел на столе миску с тестом, стопку уже готовых блинов, сметану, банку варенья. Выглядело шикарно, сука! – А то я подумал, что вы решили меня окончательно добить.

Юля моргнула.

– В смысле?

Я скривился.

– После вашей карбонары я... – я замолчал, потому что взрослый мужик не должен проносить вслух слова вроде "меня пронесло", "чуть не обосрался", "пережил жопный апокалипсис", "мой внутренний мир вышел наружу". Но с Юлей почему-то хотелось быть честным. – Мне было нехорошо.

Она на секунду застыла. Потом на лице мелькнуло удивление, и она нагло улыбкунулась.

– Это очень странно, – сказала она. – Потому что со мной всё в порядке. Ваш желудок, видимо, не приспособлен к такой изысканной пище. Вы просто не понимаете высокую кухню.

Я фыркнул. Изысканной? Это были, блять, макароны!

– От вашей высокой кухни я полночи провёл на низком старте, если вы понимаете, о чём я. Поэтому я решил...

Юля прыснула. Закрыла рот ладонью, но смех всё равно вырвался.

– Ну простите, Иван Петрович. Значит, сегодня готовим попроще. Без гуанчиале.

– Без чего? – я посмотрел на неё, как на сумасшедшую.

– Неважно, – махнула она. – Вам нельзя такие слова. Вы нервничать начинаете. Садитесь уже завтракать. Обычные русские блины вам ничем не угрожают.

Я снова посмотрел на блины. Ладно, поем сначала, а потом уволю. Пусть и она тоже поест. Не выгонять же девушку голодную?

Юля поставила передо мной тарелку с блинами: горячими, тонкими, в дырочках. Я попробовал и понял, что мой план увольнения трещит по швам.

Небо не упало, земля не разверзлась, но что-то внутри щёлкнуло. Я молча съел один блин. Потом второй. На третьем уже мазал мёд щедро, сворачивал трубочкой и отправлял в рот, чувствуя, как по телу разливается блаженное, животное тепло. Злость, недосып, обида на собственный кишечник – всё это растворялось в моей сытости. Я доел последний блин, вытер рот салфеткой и отодвинул тарелку. Чувствовал себя сытым, спокойным и проигравшим.

Юля делала вид, что моет плиту, а сама поглядывала на меня – ем я или не ем? А я поглядывал на её колышущуюся в такт движениям грудь. Красивая она всё-таки, зараза такая!

– А что на обед, Юленька?

– Что пожелаете, босс. Давайте вы как-то сами определитесь и поконкретней?

Босс? Мне нравится "босс". Похоже, увольнение откладывается. Изысканную кухню оставим для гостей, а я пока перебуюсь обычной человеческой едой.

Я, Иван Петрович Марков, человек, которого боялись деловые партнёры и уважал весь город, только что был куплен. Куплен за стопку блинов, тарелку сметаны, ложку мёда и пару классных сисек.

Вот такая я дешёвка бесхребетная.

12. Юля

Слава богу, меня не уволили.

Понятия не имею, что там стряслось у Петровича, я тоже ела пасту, и мне было норм.

По-моему, он просто решил до меня докопаться, вот и всё. Блины он слупил за считанные минуты не опасаясь за свой животик. Сметану выскреб до дна, мёд слизал с ложки. Когда отодвинул пустую тарелку и вытер салфеткой рот, я аж вздохнула с таким облегчением, что, кажется три пота с меня сошло.

Хороший рецепт. Если мой рабовладелец не обдрищется, можно брать на заметку.

– Спасибо, Юленька, было вкусно, – сказал Иван и поднялся из-за стола. – Пойду машину погреть пока. Мы собирались за ёлкой, – напомнил он.

– Да-да, Иван Петрович, всё в силе. Едем!

Я домывала посуду в тишине и одиночестве, только на душе птички пели.

Мой вчерашний план "спящей красавицы" сработал. Я боялась, что Иван меня разбудит и отправит домой, но он оказался милашкой. Будить не стал, ещё и пледиком укрыл.

Сегодня нужно повторить, и можно спокойно переезжать.

Потому что жить с престарелой тёткой – это, конечно, надёжно, но не перспективно. Там кошки, вязание, разговоры про давление и погоду. А тут простор, тишина, камин, мужик, который не задаёт лишних вопросов.

В доме Маркова было достаточно всего. Места. Воздуха. Возможностей. И я очень не хотела возвращаться обратно к тёте Тане.

Раз вчера не выгнал, то и сегодня не выгонит. Я же вижу: он не злой. Он просто строгий и зануда немного, но точно не тиран.

Я оделась, вышла из дома и охренела.

Не удивилась, не обратила внимание, на заценила, а именно охренела, потому что возле забора стоял ОН.

Джип Ивана.

Не просто машина, а, сука, аппарат! Чёрный. Блестящий. Огромный. С высоким клиренсом, широкими колёсами и таким видом, будто он может спокойно переехать любого и даже не заметить.

Я зависла на крыльце.

Вот это да...

В Москве такие машины либо у бандитов, либо у мужиков, которые слишком много зарабатывают и слишком мало объясняют. И судя по Ивану – он был из второй категории. Хотя иногда казалось, что и из первой тоже. И вообще, что я о нём знаю? Только то, что ему макароны с салом не подходят, и больше ничего.

Металл блестел холодно, без показухи. Никакой вычурности типа: смотрите, я богатый. Всё строго, сдержанно, дорого. Как он сам. Машина стояла уверенно, будто знала, что её хозяин никому ничего доказывать не собирается.

Я спустилась по ступенькам медленно. Не потому что спешить было некуда. А потому что хотелось растянуть момент. Посмотреть. Осознать. Привыкнуть к мысли, что я сейчас сяду в это, а не в маршрутку с тётками и пакетами.

Иван вышел из-за машины и открыл для меня дверь. Теперь я охренела ещё больше.

– Садитесь, – поторопил он меня, подавая мне руку.

Дверь распахнулась мягко, без скрипа, без усилий. Внутри – кожа, простор, запах дорогого салона, богатой жизни и мужского спокойствия.

Рука Ивана была тёплой, большой, надёжной.

Господи...

Я почувствовала себя королевой. Села, утонула в кресле и на секунду просто перестала дышать.

Он закрыл дверь, обошёл машину, сел за руль. Джип мягко завёлся, как большой хищник. Я устала на Ивана, как будто видела его впервые. Надо признать, ему очень шла эта машина.

– Вам удобно? – спросил он, глядя не на меня, а на отъезжающую в сторону воротину.

– Очень, – честно ответила я и тут же добавила, не удержавшись: – Вы в курсе, что у вас машина выглядит так, будто на ней можно ехать прямо в светлое будущее?

Он хмыкнул.

– Главное, чтобы до магазина доехала, – сухо сказал он.

Мы поехали в ближайший строительно-хозяйственный, где зимой всё завалено гирляндами и шарами. Зашли, и я сразу поняла: тут моё царство, потому что Иван засунул руки в карманы и смотрел на эти стеллажи с блёстками, как на инопланетную технологию.

Я начала методично снимать с полок всё, что радовало глаз. Гирлянду тёплого белого света, длинную-предлинную. Набор матовых шаров: бордовых, золотых, синих. Мишуру серебристую. Стекланные сосульки. Потом увидела игрушку – стеклянную, в виде медвежонка с крошечной ёлочкой в лапах.

– Ой, смотрите, какая прелесть! – не удержалась я.

– М-да, – сказал Иван, взяв её в руку. Медвежонок выглядел совсем крошечным в его большой ладони. – Ну, ладно. Берём.

И тут до меня дошло. Он не сказал ни слова про деньги. Ни «это дорого», ни «зачем столько», ни «хватит уже». Просто шёл рядом с тележкой, которая потихоньку превращалась в гору праздничного хлама, и молча кивал. Как телохранитель.

– Я схожу за батарейками, – предупредил меня Иван и отошёл в другой конец магазина.

Я зависла возле пластмассовых снежинок, когда сбоку раздалось:

– Юлька? Пономарёва?

Я вздрогнула и повернулась на голос. Рядом со мной стояла пухленькая девушка в яркой вязаной шапке с помпоном.

– Машка? – удивлённо протянула я.

Не сразу, но я узнала в ней подружку детства. Мы дружили, когда мне было лет четырнадцать. Машка была старше меня года на два и жила через два дома от тёти Тани.

– Вот это встреча! – воскликнула Машка, взмахнув наращенными ресницами. – А ты что тут делаешь? Ты же вроде в Москве живёшь? Крутая вся такая... Я на твой блог подписана.

– Да я... Эм...

Господи, что соврать? Что? Слава богу, Машка не дала мне договорить.

– Слушай, а погадаешь мне на картах? Ну, пожалуйста!

– С удовольствием, – ответила я и достала свой мобильник, чтобы обменяться с девушкой номерами телефонов.

– Блин, я так рада тебя видеть! – Машка смотрела на меня как на кинозвезду. – А можно сфоткаться?

– Давай потом? – отмахнулась я, побоявшись, что Маша выложит фото в сеть, и Кулясов меня по нему и вычислит. – А то я с башкой немойтой.

– К Новому году готовишься? – кивнула она на полную тележку барахла.

– Типа того... Со своим приехала по мелочи докупить кое-что, – врала я на ходу, чтобы придать себе значимости и успешности. – Всё, я побежала, потом потремим при встрече, всё подробно расскажу.

– Алёнка охренеет ваше, что ты приехала! – сказала мне на прощание Машка, вспомнив ещё одну нашу общую подружку из местных. Видимо, они до сих пор дружили.

Я рванула с тележкой искать Ивана. К счастью, Маша от меня отстала, и мы спокойно продолжили шопинг. Я так увлеклась, как будто и правда "со своим" пришла в магазин.

На кассе девушка-продавец начала пробивать покупки. Пикала сканером раз, другой, десятый. Иван с каменным лицом просто складывал все в пакеты, как будто не ему предстояло за всё это расплачиваться.

Когда окончательная сумма всплыла на экране, я сама чуть не ахнула, а он просто достал карту.

Сделал "пип" и всё.

Он затолкал пакеты в багажник и снова открыл для меня дверь и подал руку, чтобы помочь сесть в машину.

Повезёт же той бабе, которую он ждёт, – с завистью подумала я, садясь в машину.

Повезло же Юльке Пономарёвой, – думала Машка, кутившая возле магазина.

Я сделала вид, что её не заметила, но она прекрасно видела, как мы с Иваном Петровичем уезжаем из супермаркета.

Ой, ну, подумаешь, приврала немного. Зато какой мужчина! Какая разница, чей он?

13. Юля

Ёлку мы купили быстро. Ряды с пушистыми красавицами стояли прямо на снегу, и продавец в тулупе, похожий на былинного богатыря, с ходу определил нас как солидных клиентов.

– Эту берите, – ткнул он ручищей в высокую, пышную ель. – Вчерашняя, свежайшая. Для хорошего дома – самое то.

Я встала рядом, задрала голову, и она показалась мне размером с космический корабль.

– Она... огромная, – сказала я неуверенно.

– Нормальная, – парировал Иван, обходя дерево кругом и придирчиво щупая ветки. – Дом большой. Маленькая будет смотреться сироткой. Мне убожество даром не надо.

Продавец одобрительно хмыкнул: «Мужик понимает!». Цена, которую он назвал, заставила мой внутренний таро-блогерский счётчик аж взвыть. Иван даже не моргнул. Просто кивнул: «Беру».

Пока они крепили ель на крышу джипа, я смотрела, на неё и думала: «Вот это бюджет на Новый год. Я бы на эти деньги месяца три жила».

Потом был магазин. Не огромный бездушный супермаркет, а уютное сельпо, пахнущее свежим хлебом.

– Возьмём ещё кое-что к обеду, — сказал он, останавливаясь у мясного отдела. – Хочу пюре с котлетами. И рассольник.

Я чуть не расцеловала витрину с мясом. СЕРЬЁЗНО? После вчерашней итальянской экзекуции, такое простое, родное, славянское меню? Это был не заказ. Это был подарок судьбы.

– Без проблем, босс, – ответила я, стараясь, чтобы голос не выдавал ликования. – Пюре будет пушистое, как облака, котлеты – пальчики оближете, а рассольник можно на два дня сразу сварить, он на второй день ещё вкуснее.

Он кивнул, взял всё, что нужно, и сделал "пип".

По дороге обратно, я решила на Прячь Петровича.

– А можно, пожалуйста, я к тётке Тане на минутку заскочу?

– Зачем? – спросил он, но без подозрительности, скорее из вежливости.

– Зарядку на телефон очень надо.

Зарядка и правда была нужна как воздух. Сейчас айфон сядет, я потом как рецепты смотреть буду?

– Ага, – он хмыкнул. – Ну давайте, заедем, конечно.

У тёти Тани я действовала быстро и без сантиментов. Сообщила любимой родственнице, что переезжаю, нашла небольшой пакет и методично, без суеты, сложила туда самое необходимое. Чёрную шёлковую ночнушку на всякий случай, белишко, минимальный набор косметики, тёплые носки. Одну футболку. Одни удобные штаны. И любимый, почти пустой флакон дорогих духов, последнее напоминание о московской жизни. Ровно столько, чтобы Иван не подумал: «Ага! Она въезжает на ПМЖ».

Дома я сразу надела фартук и пошла в атаку на кухню. Картошку чистила, лук крошила, огурцы резала соломкой. Работала быстро, уверенно, почти медитативно. Это была моя территория теперь. Аромат зажаренного лука и моркови, заполнил дом, вытесняя стерильный запах чистоты. Пюре я взбивала миксером, добавляя тёплое молоко и сливочное масло без скупости. Котлеты обжарила до румяной корочки, а потом потушила под крышкой, чтобы стали сочными.

Когда Иван сел за стол, на лице его было привычное каменное выражение. Но я уже знала – надо смотреть на глаза. Он взял ложку рассольника, попробовал. Пауза. Потом отправил в рот котлету с пюре. И тут... да, точно. Глаза смягчились. Едва заметно. Почти по-кошачьи.

– Нормально, – произнёс он наконец.

Мне тоже нормально, если ему нормально. Мне хватило и этой похвалы. Главное – барин решил отужинать тем же самым, так что кашеварить мне больше сегодня не придётся, слава тебе господи. Я эту кухню заколебалась драить уже.

После обеда он уехал по делам, а я осталась одна в этом огромном, теперь уже немного «моём» доме. Вымыла посуду, прошлась по комнатам. В гостиной постояла перед пустой ёлкой, представила, как она засияет. Потом достала свои духи и брызнула одним облачком в воздух. Чувственный, тёплый, чуть пряный аромат смешался с запахом ёлки.

Хорошо. Пусть пахнет мною тоже.

Вечером Петрович вернулся, и мы приступили к главному – украшению. Он хотел свалить всё на меня, но я сказала, что без мужчины я ни за что не справлюсь с такой огромной ёлкой, а ещё я высоты боюсь и электричества немного.

Иван разрешил мне включить музыку и вообще был душкой. В домашней одежде он выглядел не страшным боссом, а обычным мужиком. Симпатичным и обаятельным. Лёд между нами немного подтаял. Совместная деятельность сближает, знаете ли.

Он залез на стремянку, я подавала игрушки.

– Левее... Нет, правее! Ой, дайте я сама!

– Нет уж, я сам, Юленька! Куда вешать-то эту вашу стеклянную ху... Украшение это?

– На ту ветку, самую толстую!

На мишуре мы немного закусились. Я хотела повесить её свободными петлями, он настаивал на строгой спирали. В итоге сделали и то, и другое, и стало похоже на абстрактное искусство. Когда дело дошло до звезды, я полезла наверх сама.

– Держите, – сказал он, подавая её. Я тянулась, стремянка качнулась.

– Мамочки! – заверещала я, инстинктивно хватаясь за его плечо.

Вот теперь надо орать: "мамочки". Вот это плечо! Камень, а не мускулы.

– Поймал! – его рука легла мне на поясницу, крепко, уверенно, удерживая равновесие. На секунду стало тихо. Слишком близко. Слишком тепло. Я быстро поправила звезду и спустилась вниз.

– Готово, – выдохнула я. – Включайте.

Он щёлкнул выключателем. И гостиная погрузилась в волшебный полумрак, разорванный сотнями разноцветных огоньков. Они отражались в шарах, в стекле окон, в его глазах. Ёлка получилась неидеальной, немного асимметричной, но живой и очень красивой.

– Нормально, – произнёс Иван, и в его голосе звучало настоящее, неприкрытое удовлетворение.

– Да, – согласилась я. – Очень красиво, а главное – стильно.

После такой эпопеи усталость накатила сама собой, честная, без наигрыша. Я повалилась на диван в гостиной, зевнула во всю глотку.

– Ой, всё, кажется, я труп. Так устала, сил никаких нет.

– Сейчас я отнесу коробки в подвал и отвезу вас, – сказал Иван, подхватывая самую большую.

Я проводила взглядом его мощную, широкоплечую фигуру и быстро приняла позу спящей. Лежала, стараясь дышать ровно, чувствуя, как он ходит по комнате, шуршит целлофаном.

Потом шаги приблизились. Остановились. Я сквозь ресницы увидела его силуэт на фоне мерцающей ёлки. Он постоял так, кажется, целую вечность. У меня аж нос зачесался от напряжения, но я доиграла спящую до конца.

Потом раздался знакомый шорох – Иван накрыл меня тем же тяжёлым пледом. В этот раз его рука, поправляя край, снова на мгновение коснулась моей щеки. Лёгкое, почти случайное прикосновение, от которого по спине пробежали мурашки.

Он не стал меня будить. Просто ушёл, оставив дверь приоткрытой.

Я лежала в разноцветных бликах, укутанная в его плед, и тихо-тихо улыбалась.

План «закрепиться на плацдарме» выполнялся строго по графику.

14. Иван

Утром я проснулся с мыслью о Юле. Как работодатель, конечно же. Мне показалось логичным предложить Юле жить здесь, у меня. Это было удобней и проще.

Я повторял это про себя, как мантру, пока брился. Пока выбирал рубашку. Пока спускался по лестнице, слыша, как на кухне приятно звенит посудой моя помощница.

Проще жить здесь. Не мотаться туда-сюда. Дом большой. Комнат много. Рационально.

Ра-ци-о-наль-но.

Мне уже не терпелось узнать, что сегодня будет на завтрак. Всё же правду говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Словами не передать, как приятно, когда тебе женщина готовит, а не ты сам. И пусть модные блюда Юли мой организм не принимал, остальное готовила она вполне сносно.

Вот и сейчас было страсть как любопытно, чем меня будет удивлять девушка.

Зашёл на кухню, и рациональность дала трещину.

Юля стояла у окна в спортивных штанах, которые облегали её так, будто были нарисованы прямо на ней, и в растянутой футболке, выбившейся из-под пояса. Волосы собраны в небрежный хвост, несколько прядей выпали и касались шеи.

Лицо без косметики оттого живое, утреннее. Она тянулась к карнизу, пытаясь прицепить какую-то тканевую ленту к шторе, и футболка задиралась, открывая полоску гладкой, бледной кожи на пояснице.

Я замер в дверях, как школьник, застуканный за подглядыванием.

– Что это вы делаете? – спросил я, и голос прозвучал сипло, как будто прокаркала ворона.

Она обернулась. Улыбнулась так легко, будто мы живём вместе лет десять и это обычное утро обычных людей. Я от её улыбки забыл, зачем пришёл.

– Доброе утро, – пропела она. – Делаю уют.

– У меня и так уют, – буркнул я, проходя к столу.

Сегодня она постелила на него скатерть? Когда успела? И где взяла? Светлую, с едва заметным геометричным рисунком. На середине маленькая стеклянная вазочка с еловой веткой. Ветка пахла так, что сразу захотелось в лес.

Вспомнил. Кажется, соседка скатерть мне подарила. Лет десять назад. Я и забыл про неё.

Я, вообще-то, пожарть пришёл, а не тряпками любоваться.

– А что у нас на завтрак, Юленька? – с нажимом спросил я, намекая самой интонацией, что я дико голоден.

– Овсяная каша. Садитесь, Иван Петрович, уже всё готово.

Блядская овсянка. С детства её ненавижу всей душой.

– А ничего другого нет? – с надеждой спросил я. – Я овсянку не люблю.

– Мы как-то меню с вами подробно не обсуждали, – пожала плечами Юля. – Могу яичницу поджарить на скорую руку.

– Поджарьте, будьте любезны.

– И куда мне теперь кашу девать прикажете?

Сама ешь свою овсянку, раз наварила – хотел сказать я, но сказал совсем другое.

– Собаке отдайте. Она с удовольствием поест.

– Ладно, – согласилась Юля и поставила сковородку на плиту. – Как зовут собаку?

– Угрюмый. Только кормите его возле парадной двери. На задний двор лучше без меня не ходить.

Позавтракав, я стал добрее и приветливей.

– Спасибо, Юленька, – поблагодарил я девушку, когда она убирала со стола, стараясь не смотреть на её аппетитную попку, ладно обтянутую штанами.

Может, ей униформу какую-то купить, чтобы она меня с мыслью своими формами не сбивала? Но на ум приходила только одна униформа – из фильмов для взрослых. И сразу захотелось пойти почистить снег.

Так. Стоп. Я собирался с ней поговорить.

– Я хотел вам предложить жить со мной, – Юля вскинула на меня удивлённо свои зелёные глазищи. Господи, что я несу? – То есть, я имел в виду, что вам нет необходимости мотаться к тётке. Дом большой, для вас найдётся спальня.

– Ой, я даже не знаю, – смутилась девушка. – Удобно ли это?

– Это рационально.

– Такое неожиданное предложение. Я подумаю, конечно, – пообещала девушка.

– Я поехал на работу, а вы выберите себе любую свободную спальню.

Я поспешил на завод, потому что напряжение в доме было уже невыносимым. Юля была везде. Её запах на кухне, где она работала в данный момент. Её голос в гостиной, где она напевала вчера песни под свой мобильник. Её присутствие в каждом углу, куда бы я ни пошёл.

Мне нужно было срочно переключиться на другую женщину. Кое-как выждав разницу во времени с Москвой, я закрылся в кабинете и набрал заветный номер.

Сердце так и заходило от счастья и трепета.

– Ванечка... – голос в трубке был мягким, родным, знакомым до оттенков интонации.
– Как ты?

– Нормально, – ответил я. – Ёлку вчера поставил. Большую. Чтобы тебя порадовать.

– Правда? – в её голосе зазвенела радость. – Ой, я так хочу уже приехать! Представляешь, сижу здесь, смотрю на чемодан, и мне кажется, что я уже почти у тебя дома.

– Скоро будешь, – сказал я. – Я тебя очень жду.

– Я знаю, – она вздохнула. – Ты всегда меня ждёшь. Это так... трогательно. С тобой я чувствую себя в безопасности.

Неделя...

Ещё неделя, и мы будем вместе!

Вечером я поймал себя на мысли, что с нетерпением поглядываю на часы в ожидании окончания рабочего дня. Никогда такого не было, никогда я не рвался домой.

И сейчас не рвался, просто было интересно, что там делала Юля весь день? И что на ужин. Я представлял, как приеду сейчас домой. Там она, ёлка, и пахнет вкусно.

Суеты от неё, конечно, дохера и болтает она много, но можно потерпеть. Ради Ласточки.

Я загнал машину в гараж, заглушил двигатель. Усталость после рабочего дня давила на плечи, мысли о звонке Ласточке всё ещё роились в голове приятным роєм.

Сквозь бетонные стены, сквозь вой ветра снаружи пробился звук. Тонкий, высокий, отчаянный.

– Помогите!..

Я замер. Рука, уже тянувшаяся к дверной ручке, остановилась в воздухе. Сердце пропустило удар, а потом забило где-то в горле, тяжёлое, горячее, не в такт.

Юля.

Я вылетел из машины, ключи выпали из рук, звякнули о бетонный пол, я их даже не поднял. Ноги сами несли к выходу из гаража, в снежное месиво двора, за угол дома – на задний двор.

Мысли разлетались осколками. Что случилось? Упала с этой дурацкой стремянки? Поранилась? Кто-то чужой? Здесь, в моём дворе? Мозг лихорадочно перебирал варианты, рисуя кровавые, страшные картинки, от которых внутри всё сворачивалось в тугую ледяную узел.

Я свернул за угол и замер, тяжело дыша, готовый к самому худшему.

15. Иван

За углом было не то, что я ожидал.

Не кровь на снегу, не сломанные кости, не чужой силуэт с ножом.

Юля стояла по колено в сугробе, в расстёгнутой куртке, из-под которой выбилась футболка, волосы растрепались, лицо белое как мел, глаза огромные, безумные, полные животного ужаса. Она пятилась спиной к стене дома, выставив перед собой кастрюлю, словно ею можно было прикрыться от медведя, и пар вырывался из её рта частыми облачками.

А перед ней Яша.

Он стоял на задних лапах, возвышаясь над Юлей, как мохнатая гора, и тянул к ней морду, любопытно принюхиваясь. Его чёрный нос двигался, втягивая запахи, уши настороженно торчали. Яша выглядел заинтересованным, но для человека, который видит медведя впервые в жизни, это зрелище – хуже любого кошмара.

– Не подходите! – заорала Юля, заметив меня. – Стойте там! Он меня сейчас сожрёт! У него пасть! И когти! И он рычит!

Яша не рычал. Он фыркал, пытаюсь понять, что за странное существо вторглось на его территорию, да ещё и с гостинцами. В кастрюле у девочки явно что-то было.

Я застыл на секунду. Потом до меня дошёл весь абсурд ситуации.

– Юля, – сказал я, делая шаг вперёд. – Это Яша. Мой медведь.

– Я вижу, что это не хомяк! – она отступила ещё на шаг, поскользнувшись на утрамбованном снегу и, взмахнув руками, плюхнулась прямо в сугроб. Кастрюля отлетела в сторону. – Он сейчас кинется! Уберите его! Иван Петрович, уберите! Пиздец! А-а-а!

Юля завизжала так, что, наверное, в соседней деревне собаки залаяли.

Яша, обрадовавшись тому, что кастрюля теперь бесхозная, рванул к ней и сунул в неё морду.

Я подошёл, перехватил Яшу за загривок, как нашкодившего щенка, и оттащил назад вместе с кастрюлей. Медведь не сопротивлялся, только обиженно фыркнул и посмотрел на меня с укоризной: мол, ну чего ты, я же играю.

– Сидеть, – скомандовал я.

Яша послушно плюхнулся в сугроб, сложил передние лапы и уставился на Юлю с любопытством, склонив голову набок. Медвежий взгляд говорил: «Ну чего орёшь, глупая? Я же хороший».

Я повернулся к Юле.

Она всё ещё валялась в снегу, вся мокрая, волосы растрепались, щёки были уже не белыми, а красными. То ли от мороза, то ли от адреналина. Губёшки дрожали, зелёные глазюки всё ещё распахнуты, но в них уже появлялось что-то другое – осознание, что её не съели.

– Ты какого ху... Чёрта здесь делаешь? – спросил я, внезапно перейдя на ты. Голос прозвучал резче, чем я хотел, потому что меня самого всё ещё потряхивало от адреналина.

– Я... Я вынесла вашей собаке кашу, а потом... Я просто хотела посмотреть, откуда звук... – она тяжело дышала, грудь вздымалась под тонкой футболкой. – Там за домом кто-то сопел, я думала, может, собака... или лось... А тут ЭТО!

– Яша не лось, – сказал я, протягивая ей руку.

– Да неужели? – огрызнулась она, но вцепилась в мою ладонь мёртвой хваткой.

Я потянул её вверх. Она поднялась, поскользнувшись, и я придержал её за талию, чтобы не упала снова. Мы оказались лицом к лицу, слишком близко. Её грудь касалась моей куртки.

– Ты орала так, будто тебя режут, – сказал я тихо. – Я думал, случилось что.

– Ну извините, – выдохнула она. – У вас тут медведь по двору гуляет! Нормальные люди кроликов заводят! Или котов! Или хомячков! А вы... медведя!

– Это и есть почти собака, – буркнул я. – Ты наху... Зачем его выпустила?

– Я не знаю, как так получилось. Вы меня за это не уволите?

Я невольно улыбнулся. Она выглядела одновременно испуганной, возмущённой и невероятно забавной. Снег в волосах, мокрые джинсы, это возмущение пополам с облегчением.

Она замерла. Подняла на меня глаза. Зелёные, огромные.

– Вы такой смелый... – прошептала она.

И обмякла в моих руках.

– Юля! – вырвалось из меня.

Я едва успел подхватить её, чтобы она не рухнула в снег. Лёгкая, как пушинка.

Вся её неиссякаемая энергия, этот вечный двигатель, этот фонтан как ветром сдуло. Осталась только хрупкость, незащищённость, тонкие запястья, посиневшие губы.

– Юль, – позвал я резко, встряхнул её. – Юленька! Юля!

Никакой реакции.

Я подхватил её на руки, даже не думая. Куртка распахнулась, волосы рассыпались по моему плечу, щека холодная, прижатая к моей шее. Сердце колотилось где-то в горле от злости на себя, на этого дурацкого медведя, на весь этот день.

– Только этого мне не хватало, – пробормотал я и быстрым шагом понёс её в дом.

Не разуваясь, протопал в гостиную. Опустил Юлю на диван, подложил подушку под голову. Обморок у неё, что ли? Ресницы длинные, тёмные, неподвижные. Губы чуть приоткрыты.

Я опустился рядом на колени, провёл ладонью по её щеке.

Нашатырь. Где у меня нашатырь? В аптечке? А где аптечка? В ванной? В шкафу?

Из головы всё вылетело, потому что мне никогда не приходилось никого спасать. Я всегда спал только самого себя.

Я наклонился ближе.

– Юля, очнись! Ну, пожалуйста!

Никакой реакции. По щекам её хлестать? Девушку? Я не могу, у меня рука не поднимается. Я только могу по попе девушек ладошкой шлёпать. Ну, вы понимаете.

Паника поднималась где-то в груди, холодная, липкая. Я наклонился ещё ближе, почти касаясь ухом её рта, чтобы проверить, дышит ли.

А потом случилось страшное. Наши губы встретились.

Я застыл, потому что это было неправильно. Это было не вовремя. Это было безумием.

Но её губы – тёплые, несмотря на мороз, мягкие, несмотря на всю её дерзость, – прижались к моим так отчаянно, так жадно, что внутри меня что-то рухнуло.

Я не знаю, кто из нас сделал следующий шаг. Может, она. Может, я. Но внезапно мои ладони уже держали её лицо, пальцы запутались в её волосах, и я целовал её так, будто от этого зависела моя жизнь.

Юля ответила сразу. Её руки обвили мою шею, притягивая ближе, не оставляя пространства для сомнений. Она целовала меня неистово, горячо, будто ждала этого момента всю жизнь.

Я чувствовал её дыхание, сбивчивое, горячее. Слышал, как она выдыхает мне в рот что-то неразборчивое, похожее на моё имя. Её пальцы гладили мою шею, зарывались в волосы на затылке, дёргали пряди.

Придавив её к дивану, я чувствовал её тело под собой – молодое, упругое, манящее, дрожащее уже не от холода. Талия, которую мои ладони обхватили сами собой. Изгиб бёдер. Тонкие ключицы под тканью футболки.

Юля выгнулась навстречу, застонала, и у меня потемнело в глазах.

Я должен был остановиться.

Где-то далеко, в замерзающем уголке сознания, билась мысль о Ласточке. О том, что скоро мы будем вместе. О том, что я ждал её много лет.

Но здесь, сейчас, была только Юля. Её вкус. Её тепло. Её руки, которые не отпускали.

– Что вы делаете, Иван Петрович? – возмущённо пропищала Юля, и это прозвучало, как пощёчина.

Я? Это разве я к ней присосался? Разве это не она первая начала?

Блять, да какая уже разница?

Я резко выпрямился, сел на край дивана, провёл ладонями по лицу. Сердце колотилось как бешеное. В штанах было тесно, и это бесило ещё больше. Потому что я не мальчишка. Потому что я должен контролировать себя.

– Я делал тебе искусственное дыхание, – нашёлся я. – Как видишь, помогло. Ты как вообще? Может, скорую?

– Не надо скорую. Мне гораздо лучше. Вы меня спасли. Два раза!

– Ладно, ты это... Полежи немного, – я помог Юле снять куртку, сапоги и укрыл её пледом. – А я пойду... Мне нужно... Снег почистить.

– И медведя заприте, – напомнила она, и в голосе снова появилась эта её дурацкая лёгкость. – А то я не переживу второго раза.

– Я быстро, – пообещал я и ушёл, не оборачиваясь.

Каменные яйца звенели на всю улицу, но на морозе я начал приходить в себя. Яша сидел на том же месте, вылизывал кастрюлю.

– Пошли, хулиган, – буркнул я. – Запру тебя.

Медведь нехотя поднялся, отряхнулся, обдав меня снежной пылью, и потрусил к вольеру.

Я закрывал за ним дверцу и думал об одном: вкус её губ. Запах волос. Тепло тела под моими руками.

Я не смелый. Я трус.

Потому что боюсь признаться самому себе, что Юля мне шибко нравится.

16. Юля

После того вечера я думала, что всё изменится. Что Петрович сломается, подойдёт, скажет что-то важное, что этот поцелуй станет точкой невозврата.

Но мой рабовладелец был не из тех, кто ломается.

Вместо того, чтобы пасть к моим ногам, он включил режим «директор завода» на полную мощность.

– Юля, свечи днём не жгут.

Я молча задувала фитиль и убирала подсвечники в шкаф.

– Юля, ковёр в гостиной лежал ровно. Зачем ты его сдвинула?

Я возвращала ковёр на место, хотя он смотрелся лучше под другим углом.

– Юля, зачем ты переставила вазу?

Я кивала. Спокойно. Без улыбки. Без дерзости. Без того самого огонька, который, кажется, его и бесил больше всего. Хотя бы он начал звать меня на ты. Это уже прогресс.

Наверное...

Я решила больше с ним не заигрывать, не провоцировать на поцелуй. Я отошла в тень и ждала, пока Иван сам высунет нос проверить, не охладела ли я совсем.

Я стала идеальной горничной. Профессиональной. Невидимой. Чёткой, как армейский распорядок.

Но я видела всё.

Как он входит на кухню и сначала смотрит не на стол, а туда, где я стою. Как отводит взгляд, если я случайно оборачиваюсь. Как он следит за мной краем глаза. В отражении тёмного окна. В зеркале прихожей. Через приоткрытую дверь кабинета, когда я прохожу мимо.

Я чувствовала этот взгляд кожей. Затылком. Спинай. Каждой клеткой.

Но не оборачивалась.

Утром, когда собралась на улицу без шапки, он окликнул меня у двери.

– Юля.

– Что?

– Шапку надень.

– Да мне не холодно, Иван Петрович.

Он не стал спорить. Просто подошёл. Взял с крючка у двери мою вязаную шапку и натянул мне на голову.

Движения были грубоватыми, но я чувствовала, как осторожно он поправил её, чтобы не зацепить волосы. Пальцы задержались на висках на секунду дольше необходимого. Провели по щеке.

Может, опять поцелует?

От этой мысли сердце заколотилось, как бешеное. Я боялась спугнуть его, поэтому стояла, не шевелясь, не поднимая глаз, глядя в его грудь, чувствуя тепло его рук и запах – дерева, мороза и того самого геля для душа, которым он пользовался каждое утро.

– Не хочу, чтобы ты заболела, – сообщил Марков и отступил на шаг.

– Спасибо, – сказала я тихо.

И ушла.

А внутри всё горело, хотя на улице было минус двадцать.

Он избегал разговоров. Уходил в кабинет сразу после ужина. Возвращался с завода позже обычного. Работал допоздна. Я слышала, как скрипит его кресло за закрытой дверью.

Потом он принялся контролировать моё питание.

– Ты поела?

– Да, Иван Петрович.

– Что именно?

Я перечисляла. Он кивал и уходил, будто проверял, не утомила ли я себя голодом. Наверное, боялся, что я снова в обморок упаду?

Однажды Иван позвал меня на задний двор. Я вышла, натянув куртку поверх футболки. Шапку надела сама, чтобы не провоцировать его. Яша сидел в вольере, ворочая носом снег, и при моём появлении поднял голову.

– Иди сюда, – сказал мужчина.

Я подошла. Медведь смотрел на меня своими тёмными, немигающими глазами. Ближе, чем в прошлый раз, он казался ещё огромнее.

– Пока меня не будет, его нужно будет покормить.

Я удивилась так, что даже не сразу нашлась с ответом.

– Вы хотите, чтобы я это делала? – переспросила на всякий случай.

– Да. Клетку не открывай, если боишься. Вот здесь у него специальное отверстие для миски, – показал он мне квадратную дырку внизу решётки. – Меня не будет всего сутки.

– А если он меня всё-таки сожрёт? – спросила я, и в голосе против воли проскользнула прежняя игривость.

– Он уже тебя запомнил. По запаху. По голосу, – Иван даже не улыбнулся. – Он же малыш совсем. Погладь его, не бойся.

Яша ткнулся носом в решётку. Морда у него была огромная, но глаза почти человеческие. Внимательные. Изучающие.

Я осторожно просунула руку через решётку и погладила его морду, жалея, что у меня нет с собой никакого угощения для него.

– Он чувствует людей, – тихо сказал Иван. – Если человек врёт, боится, хочет сделать плохо, Яша это видит сразу. А если он к тебе спокойно, значит, ты хороший человек и тебе можно доверять.

Я замерла. Эти слова упали в тишину, как камни в глубокий колодец.

И вдруг стало так больно, что я физически почувствовала спазм в груди.

Потому что я не хороший человек.

Я здесь не просто работаю. Я здесь потому, что прячусь от бандита, я здесь потому, что мне нравится жить в этом доме больше, чем в тёткином, я здесь потому, что хочу соблазнить своего работодателя.

Но у Ивана уже есть какая-то мымра. И завтра он едет в Омск встречать её.

– Я справлюсь, не переживайте, Иван Петрович, – сказала ровно.

Какая она? Красивая? Умная? Добрая?

Та, ради которой он ставил эту дурацкую ёлку, наряжал дом, создавал идеальный порядок.

Я здесь просто прислуга, а она королева.

После ужина я убрала со стола, помыла посуду, протёрла поверхности. Всё как обычно. Руки делали своё дело, а мысли крутились по замкнутому кругу: она, она, она.

Смогу ли я смотреть, как они будут вместе? Здесь, в этом доме, который я уже почти считала своим?

Я зашла в прачечную, где лежали стопки выглаженного белья. Его рубашки. Белые, идеально ровные.

Я взяла одну, провела пальцами по ткани. Хлопок. Чистый. Наглаженный до хруста. Моими руками.

Я поставила утюг, включила пар. Гладила медленно, тщательно, хотя там не было ни складочки. Руки дрожали, едва заметно. Я смотрела на эту рубашку и представляла, как он наденет её завтра. Как сядет в машину. Как поедет через всю область. Как встретит её в аэропорту. Как обнимет. Как привезёт сюда.

В наш дом.

Я поправила штору, которую Иван ругал за асимметрию, выключила свет и пошла в свою комнату.

Спать. Завтра будет новый день.

И он приедет с ней. А я буду улыбаться и подавать ужин. Потому что для этого меня и наняли.

17. Иван

Дорога до Омска заняла больше времени, чем обычно. Дело было не в погоде и не в дороге, дело было во мне.

Я ехал и думал. Слишком много думал.

Сжимал руль, смотрел на серую ленту трассы и прокручивал в голове одно и то же.

Она приедет. Увидит дом. Увидит меня. Увидит, как я изменился.

Я больше не тот студент, который жил в общежитии и мечтал о ней по ночам. Теперь у меня есть всё, чтобы её удержать. Дом. Деньги. Стабильность.

Я стабильный.

Это слово должно было звучать как достоинство. Как гарантия. Как обещание.

Но почему-то сегодня оно отдавало чем-то пресным. Скучным.

– Да хватит уже! – сказал я вслух. Голос в пустой машине прозвучал глухо.

Я включил радио. Какой-то рок. Гитары. Барабаны. Заглушило мысли.

Цветы я купил заранее. Заехал в знакомый магазин, где знают мой вкус. Белые розы. Крупные, плотные бутоны. Никакой вычурности. Никакой пошлости. Зелень свежая, сочная, контрастная.

Продавщица улыбнулась:

– Для особенной женщины?

Я кивнул.

Для особенной. Самой особенной.

В аэропорту былолюдно. Там всегдалюдно. Я нашёл место у выхода из зоны прилёта, встал чуть в стороне, чтобы не мешать толпе с табличками и шарами. Букет держал в руке, и вдруг он показался мне тяжёлым. Не физически, а морально.

Табло мигнуло. Рейс прибыл.

Сердце пропустило удар. Потом забилось чаще. Глубже. Гулко, как молот по наковальне. Я сжал букет крепче и поймал себя на том, что дышу через раз.

Поток пассажиров хлынул из дверей.

Я вглядывался в каждое лицо. Женщины с чемоданами, мужчины в деловых костюмах, дети, старики. Мелькали, текли, исчезали в объятиях встречающих.

И вдруг я увидел её.

Сердце остановилось. Потом рвануло с новой силой.

Она шла не спеша, чуть замедленно, будто знала, что её ждут и никуда не торопятся. Длинное, светлое, идеально сидящее пальто. Волосы уложены так, будто она только что вышла из салона, а не провела несколько часов в самолёте. Шея открыта, подбородок приподнят. Взгляд скользит по толпе, ищет.

Я сделал шаг. Потом другой. Ноги двигались сами, я почти не чувствовал их. Букет протянул автоматически, но руки дрожали. Чуть-чуть. Почти незаметно.

– Здравствуй, Ира, – сказал я, и голос прозвучал ниже, глубже, чем обычно.

Она подошла вплотную. Обняла.

Её запах. Боже, этот запах. Дорогой парфюм, лёгкий, сладковатый, с нотками чего-то цитрусового. Я помнил его. Помнил с той самой аудитории, с того самого вечера, когда мы впервые остались наедине. Он въелся в память намертво.

Её губы коснулись моей щеки. Коротко. Целомудренно.

– Ванечка, я так скучала, – прошептала она.

И я поверил. Поверил, потому что хотел верить. Потому что ждал этого момента много лет. Потому что она здесь. Живая. Настоящая.

– Я тоже, – ответил я.

Я отстранился, чтобы посмотреть на неё. Вблизи она была всё такой же красивой. Те же глаза, чуть раскосые, с поволокой. Та же точёная линия скул. Тот же изгиб губ, который когда-то сводил меня с ума.

Это была она. Моя Ласточка.

– Дорога тяжёлая? – спросил я, забирая у неё чемодан. Тяжёлый, чёрт. Что она туда наложила?

– Просто ужас! Но я её пережила, – улыбнулась она, беря меня под руку. – Ради тебя. Ради меня.

Слова упали в душу, как капли воска. Горячие. Липкие. Обещающие.

Мы пошли к выходу. Она держалась за мой локоть, чуть касаясь пальцами ткани куртки. Я чувствовал это прикосновение каждой клеткой. Вёл её через толпу, расчищая путь.

– Ты такой... – сказала она, когда мы вышли на улицу. Мороз ударил в лицо, ветер рванул полы её пальто. Она поёжилась, прижалась ко мне сильнее. – Повзрослел.

– Много времени прошло, – ответил я, открывая дверь машины.

– И ты стал другим, – добавила она, садясь в салон. Движения плавные, выверенные. Ничего лишнего. Всё с достоинством.

Я закинул её чемодан в багажник, обошёл машину, сел за руль. Завёл двигатель. В машине запахло её духами и моим внезапным, почти паническим желанием быть тем, кого она выберет.

– Каким другим? – спросил я, выруливая с парковки.

– Уверенным, – она повернулась ко мне, положила руку на моё плечо. – Сильным. Таким... настоящим мужиком.

Я усмехнулся. Невесело.

– Раньше я был ненастоящим?

– Раньше ты был мальчиком, – она убрала руку, откинулась на сиденье. – Милым. Смешным. Влюблённым. А теперь... теперь ты мужчина. За таким хочется быть за каменной стеной. Каменная стена.

Я смотрел на дорогу и думал о том, что стены иногда трескаются. От холода. От времени. От того, что кто-то зажигает свечи и переставляет вазы без спроса.

– Как долго ехать? – спросила она, рассматривая проплывающие за окном омские пейзажи.

– Часа четыре, если без пробок.

– Так долго... – вздохнула она. – Но я готова. Я так хочу поскорее увидеть твой дом.

Дорога тянулась бесконечно. Она говорила. О работе, о Москве, о подругах, о перелёте. Я слушал вполуха, кивал, вставлял "угу" и "да" в нужных местах.

А сам думал о другом.

О том, как она войдёт в дом. Как увидит ёлку. Как я покажу ей комнату. Как мы будем сидеть вечером у камина.

И о том, что в этом доме теперь есть Юлия.

Юлия, которая, наверное, уже всё приготовила. Которая наверняка надраила полы до блеска и переставила стулья обратно, потому что я просил. Которая будет подавать ужин с идеально спокойным лицом.

Я сжал руль.

Не думать.

Не сейчас.

– Вань, а что ты подготовишь на ужин? – спросила Ира, вырывая меня из мыслей.

– Я... – я запнулся. – У меня есть помощница. Домработница. Хорошо готовит.

– Ой, даже так? – она улыбнулась. – Бизнесмен, дом, прислуга. Прямо аристократ.

– Не прислуга, – ответил я резче, чем хотел. – Помощница по дому.

Она удивлённо посмотрела на меня.

– Ну, помощница. Какая разница?

Я не ответил какая разница. Большая, Ласточка. Очень большая.

Остаток пути прошёл в молчании. Она устала и задремала, откинув голову на подголовник. Я поглядывал на неё время от времени. Красивая. Ухоженная. Чужая.

Может быть, что-то изменится со временем, но пока что я чувствовал от неё холод и больше ничего. И вдруг поймал себя на мысли, что не знаю, о чём с ней говорить.

Раньше, в юности, мы могли болтать часами. Обо всём. О музыке, о книгах, о дурацких студенческих историях. А теперь... теперь у неё Москва, карьера, подруги, рестораны. У меня завод, снег, медведь по кличке Яша и домработница с зелёными глазами.

Мы слишком разные.

Но я отогнал эту мысль. Просто устал. Просто перенервничал. Просто дорога длинная.

Всё будет хорошо. Всё просто обязано быть хорошо.

Когда мы свернули к посёлку, она проснулась. Села ровно, поправила волосы, посмотрела в окно.

– Красиво, – сказала она. – Настоящая Сибирь. Снег, лес... Прямо как в кино.

– Ага, – ответил я.

Вот сейчас.

Сейчас мы въедем во двор.

Сейчас она увидит.

Я вырулил к воротам, нажал кнопку на пульте. Ворота медленно поползли в сторону.

– Ого, – сказала она. – Какой большой дом!

Мы въехали во двор. Я заглушил двигатель.

Приехали.

18. Юля

Когда Иван уехал, дом стал слишком большим. Я не в первый раз оставалась дома одна, но впервые мне было жутковато. Я ходила по комнатам кругами, наматывая километры по паркету, и в сотый раз проверяла одно и то же, хотя всё было идеально.

Ёлка стоит ровно. Гирлянда горит. Все лампочки. Я перебрала их вчера, заменила две перегоревшие.

Свечи на месте. Пледы сложены. Идеальными треугольниками, как в журналах по дизайну интерьеров.

Подушки ровные. Я взбивала их до тех пор, пока они не начали смотреть на меня с укоризной.

Кухня чистая. До скрипа. До стерильности. До состояния «можно проводить хирургическую операцию».

Пол блестит так, что в нём можно увидеть своё лицо и стыд за то, что ты взрослая девушка, а ведёшь себя как девочка после первого свидания, у которой гормоны затмили разум.

Я поправила бантик на ветке, который и так висел нормально, и выдохнула.

Ну вот. Едет ОНА.

Я даже не знаю, как её зовут. Для меня она была просто «гостья», идеальная женщина, ради которой Петрович ставил эту ёлку, наряжал дом, создавал порядок.

Смешно. Я ни разу в жизни не ревновала мужчину к женщине, которую даже не видела. Обычно всё было проще: или он мой, или не мой. Или я беру, или ухожу. Я всегда уходила первой, чтобы не было больно.

А тут – ревную мужика, который не мой муж, даже не мой любовник, а просто... мой в голове.

В моей глупой, влюблённой, окончательно свихнувшейся голове.

Потому что был поцелуй. Потому что он спасал меня, когда я «упала в обморок», и я до сих пор не могу решить, это было хитро или позорно. Потому что он надел мне шапку. Потому что смотрел на меня, когда думал, что я не вижу.

Иван настоящий. Не выдуманный. Не идеальный. Не картонный принц из моих девичьих фантазий. А живой – с морщинами, с тяжёлым характером, с этой его медвежьей угловатостью и неожиданной нежностью в грубых пальцах.

И поэтому так стрёмно.

Я пошла к Яше.

Если уж кому-то и жаловаться на жизнь, то медведю. У него вряд ли бывают вопросы вроде «а он тебе что-то обещал?» или «а вы спите уже?». Медведь просто слушает и жуёт. И взгляд у него понимающий. Или просто сонный?

Я насыпала корм в миску, сунула её в отверстие внизу, которое показал Иван. Оно было довольно большим, поэтому Яша тут же сунул нос мне в ладонь, обнюхал, фыркнул довольно. От него пахло снегом, сеном и чем-то тёплым, звериным, уютным.

– Ну что? – сказала я ему, присаживаясь на корточки. – Хозяин твой уехал за своей зазнойбой. А я тут, как дура, сижу и жду, будто мне за это кто-то медаль даст.

Яша чихнул. Судя по выражению морды, ему было плевать на мои душевные терзания. Главное, чтобы корм был.

– Вот и я о том же, – вздохнула я. – Мы ничего не делали, понимаешь? Ничего. И вроде бы я должна быть спокойной. Гордость у меня вообще-то есть, а у меня как будто кошки изнутри скребут.

Я погладила Яшу по голове. Шерсть жёсткая, тёплая. В отличие от моей гордости, которая где-то там уже замёрзла насмерть на сибирском морозе.

– Он такой... – я замолчала, потому что даже произносить это вслух было стыдно. – Он хороший, Яш. Мрачный, да. Ворчит, как старый дед. Но у него руки... – я снова остановилась, сморщилась, чувствуя, как щиплет в носу. – Ладно, неважно. Просто он не играет. Он не строит из себя. Он... как есть. И от этого с ним невозможно врать.

Яша жевал и смотрел на меня так, будто понимал.

Яша доел, подошёл ближе и ткнулся мордой мне в плечо. Сильно, но не больно. Смешной. Огромный. И в этот момент я неожиданно почувствовала, как внутри поднимается злость. Не на Ивана, не на его бабу, а на себя.

Соберись, Пономарёва!

Я закрыла вольер, пошла в дом, проверила всё ещё раз, хотя и так было идеально до одури.

Потом началось ожидание.

К вечеру у меня уже были натёрты нервы до состояния оголённого провода. Я реагировала на любой звук: скрип ветки за окном, щелчок отопления, шум ветра в трубе. Несколько раз подходила к окну, вглядывалась в темноту, вслушивалась в тишину. Потом уходила. Потом возвращалась.

В голове крутились дурацкие мысли: вдруг они не доедут? Вдруг снегопад? Вдруг она передумала? Вдруг самолёт разбился? Вдруг...

Я оборвала себя.

Не надейся. Не смей надеяться.

И вот наконец – фары.

Джип въехал во двор, разрезая темноту жёлтым светом, как всегда уверенно. Двигатель заурчал и стих. Хлопнула дверца.

Сердце у меня дёрнулось и понеслось вскачь, как сумасшедшее.

Я вытерла вспотевшие ладони о джинсы и вышла в прихожую. Ноги ватные, в горле пересохло.

Дверь открылась. Сначала увидела Ивана, как всегда, строгого и собранного.

А потом она...

Я увидела её и на секунду реально перестала дышать.

Потому что это была Ирина.

Ирина Кулясова.

Моя клиентка. Та самая роскошная, ухоженная, холодная женщина, которая пришла ко мне в начале декабря за «разрешением» на сделку. Та, из-за которой ко мне заявился её муж-бандит и решил продать меня в рабство. Та, из-за которой я сейчас здесь, в Сибири, а не в Москве.

Я моргнула. Ещё раз.

Нет. Не может быть. Это ошибка. Совпадение. Почему из всех женщин мира, Иван привёз именно эту суку?

Она тоже меня увидела.

И в её глазах на долю секунды мелькнуло узнавание – острое, хищное, как блеск лезвия в темноте. Мгновенная вспышка: «А, это ты?».

Но она тут же спрятала это под улыбкой. Под королевской маской. Под видом женщины, которая впервые видит прислугу в доме своего мужчины.

– Это... горничная? – спросила она у Ивана, даже не обращаясь ко мне. Голос мягкий, но в нём уже была оценка. Взвешивание.

Я почувствовала, как у меня внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел.

Иван кивнул.

– Юля. Она помогает по дому. Хорошо готовит, – добавил он, и я не поняла, зачем он это сказал. То ли похвалить меня, то ли оправдать моё присутствие. – Юля, это Ирина – моя... Подруга.

"Подруга" посмотрела на меня так, будто я грязь под её идеальными ногтями. Скользнула взглядом по моим джинсам, по футболке, по лицу. Оценила. Взвесила. Отметила про себя.

– Юля, – повторила она медленно, словно пробуя имя на вкус. – Хорошо.

Потом повернулась к Ивану, и голос её сразу потеплел, стал другим – ласковым, усталым, почти домашним:

– Ванечка, мне нужен чай. С лимоном. И чтобы в комнате было тепло, я замёрзла в дороге. И вообще, я ужасно устала. – И снова взгляд на меня, уже другой – хозяйский, приказной. – Поставь цветы в вазу и заberi мои вещи. Осторожно только. Там косметика в хрупкой упаковке, ты понимаешь, сколько она стоит?

Ты. Не «вы». Ты.

Она играла.

Делала вид, что мы не знакомы. Что видит меня впервые. Что я – просто прислуга, которой можно приказывать.

Но мы знакомы. И я знаю, чья она жена.

Я взяла её чемодан. Иван что-то говорил ей про дорогу, про дом, про ёлку, про то, как он рад, что она наконец приехала. Она улыбалась ему, касалась его локтя, смотрела на гирлянды и делала вид, что счастлива.

А я шла следом, неся её тяжёлый чемодан, и думала только одно:

Это как она приехала при живом-то муже?

В голове вспыхнуло продолжение, страшнее первого:

А вдруг и Фёдор сюда заявится? Вдруг он уже всё знает? Вдруг это ловушка? Вдруг они из-за меня всё построили?

Я остановилась на секунду в коридоре, глядя на их спины. Иван помогал ей снять пальто, она смеялась чему-то, касалась его груди ладонью.

Петрович вообще в курсе, с кем связался? Он знает, что его "подруга" замужем? Знает, что её муж – бандит, который чуть не убил меня? Знает, что она ему изменяет? Или она ему наврала с три короба?

У меня разрывалось сердце.

Он не знает. Он хороший. Он честный. Он верит ей.

А она...

Ирина обернулась через плечо, будто услышала мои мысли и улыбнулась мне – медленно, сладко, ядовито, как змея перед броском.

Мне хотелось заорать на весь дом о том, что я знаю эту женщину, знаю, что она подлая, лицемерная гадина, но я не могла, потому что мне никто бы не поверил. Иван так ждал её, а тут я со своими бредовыми обвинениями.

Можно было собрать вещи и валить отсюда, пока ветер без камней, но разве я могла бросить Ивана на съедение этой твари?

И вот тут я поняла: дальше будет не про ёлку и не про Новый год.

Дальше будет война.

19. Юля

Ива

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.